

STUDIEN

über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Von August Freiherrn von Haxthausen.

(Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждениях России. Барона Августа Гакстгаузена)¹

Два месяца тому назад мы вздумали предложить «Экономическому указателю», служащему теперь специальным органом распространения экономических понятий в нашей публике, чтобы он положительным образом высказал свое мнение о том, должен ли остаться неприкосновенным среди перемен в нашем экономическом быте тот принцип, по которому владеет участками земли огромное большинство русского населения. Нам казалось необходимо возбудить людей, руководящих образованием общественного мнения о вопросах экономического быта, к основательному обсуждению этого важного дела, и наше мнение о необходимости такого обсуждения основывалось на соображении двух обстоятельств.

С одной стороны, каждому очевидно, что с окончанием нашей последней войны начинается для России более деятельное, нежели когда-либо, участие в общем европейском экономическом движении. Каждый видит, что наша промышленная деятельность начинает очень быстро усиливаться. Наши собственные капиталы, нравственные и материальные, выходят из своего летаргического бездействия: иноземные капиталы начинают находить у нас выгодное и безопасное помещение и отчасти уже перенеслись в нашу страну очень значительной массой, отчасти готовятся в скором времени перенестись к нам в массах, еще гораздо более значительных. Последствия такого движения не могут подлежать сомнению. До сих пор большая часть нашего экономического производства совершалась средствами и методами, почти патриархальными. Не говорим уже о земледелии, относительно ко-

торого напрасно и доказывать эту истину: наибольшая часть нашей внутренней торговли и даже значительнейшая часть производства по обработке сырых продуктов совершалась порядком, более свойственным XVII, нежели XIX веку. Это немного уже лет будет продолжаться. Приложением капиталов к производству не только увеличиваются массы продуктов, но изменяется и самый порядок производства. Различие между хворостом или кизяком и каменным углем, между проселочною и железною дорогою не более значительно, нежели различие между порядком патриархальной экономической деятельности и деятельности, совершающейся силою машин, капиталов и других экономических отношений и двигателей, свойственных новейшему времени. Различие между черемисом и англичанином не более значительно, нежели различие между земледельческими методами, по которым обрабатываются поля того и другого.

Россия вступает в тот период экономического развития, когда к экономическому производству прилагаются капиталы. Характер деятельности производящих классов и самый быт их необходимо должен подвергнуться оттого великим изменениям. Мы уже видим, как огромны будут эти изменения в характере передвижения людей и продуктов. Вместо обозов и патриархальных судов различного рода мы имеем несколько, и скоро будем иметь очень много, локомотивов и пароходов, так что вскоре почти совершенно исчезнут привычные нашему глазу обозы, мохшаны, тихвинки, барки и так далее. В характере торговли отчасти уже происходит и скоро совершенно исполнится изменение не менее значительное. С устранением тех страшных неудобств и неверностей, которыми до нашего времени стеснялась она, у нас явятся честность и предприимчивость, свойственные нашему народу не менее, нежели другим европейцам. Но всего значительнее будут изменения той экономической деятельности, которая составляет основную силу нашей страны и служит средством существования для значительнейшей части нашего народа, — именно в земледелии. До сих пор оно оставалось в положении еще более патриархальном, нежели какая-либо другая экономическая наша деятельность. Одинаково признавая неизбежность и благотворность великих изменений, ожидаемых этою отраслью нашего производства, не все образованные люди согласны в том, должны ли эти изменения оставить неприкосновенным тот принцип, по которому разделяется ныне пользование землею между нашими земледельцами²; а вопрос этот очень важен, потому что относится к такому обычаю, который служит основанием всего нашего общественного быта.

В настоящее время не подлежит сомнению та истина, что формы патриархального быта несовместимы с высокою степенью цивилизации; потому у огромного большинства образованных людей развивается стремление отвергать все то, что существует

в патриархальном быте, и от отрицания форм переходить к отрицанию всех принципов, имеющих корень в этом быте. Такой участи подвергается со стороны очень многих людей, руководящих общественным мнением, и тот принцип, на котором основано распределение пользования землею между огромным большинством нашего народа³. О другой причине, утверждающей многих в этом чувстве, — об излишнем доверии к некоторым устарелым системам политической экономии, — системам, односторонность которых уже доказана последующим развитием науки, мы уже говорили. Таким образом, многие из людей, имеющих влияние на общественное мнение, жестоко восстают у нас против доселе существующего у нас принципа общинной поземельной собственности.

Нам казалось, что такое предубеждение происходит более от недостатка серьезных обсуждений этого вопроса и что многие из людей, ныне восстающих против принципа общинного поземельного владения, примирятся с ним или даже сделаются его жаркими защитниками, когда им представится случай глубже вникнуть в сущность дела, о котором до сих пор говорили у нас без серьезного исследования, или руководясь единственно смутными симпатиями и антипатиями, или слепо веря устаревшим односторонним системам, или просто наобум.

Потому-то мы и вызвали «Экономический указатель» положительным образом выразить свое обдуманное и зрелое мнение об этом вопросе. Решительным образом выражая твердое свое убеждение, что интерес национального благосостояния требует, при всех великих и благотворных переменах, предстоящих нашим экономическим отношениям, сохранить принцип общинного поземельного владения, мы прибавляли, что если «Экономический указатель» не согласен с таким мнением, то должен опровергнуть его.

«Экономический указатель» принял этот вызов и начал печатать подробное опровержение нашей статейки, защищавшей принцип общинного поземельного владения⁴. Возражения эти еще не кончены, и потому было бы несправедливо с нашей стороны подвергать их разбору в настоящее время: быть может, «Экономический указатель» в следующих статьях своего ответа представит какие-нибудь доказательства тем из своих положений, которые пока представляются бездоказательными, ограничит какими-нибудь оговорками и условиями те, которые на первый раз представились ему безусловными, и т. д., — словом сказать, очень может быть, что окончание статей, вызванных нашим запросом в «Экономическом указателе», будет написано основательнее, нежели те статьи, которые мы с удовольствием прочли в №№ 21, 22, 24 и 25-м. «Как с удовольствием? В этих статьях автор замечаний, сделанных «Современником» о необходимости сохранить принцип общинного владения, многократно называется

невеждою; если его невежество доказано «Экономическим указателем», то он должен чувствовать себя огорченным, если же такое поносное имя дается ему несправедливо, то он должен чувствовать себя оскорбленным, — в том и другом случае он при чтении этих статей должен чувствовать нечто, нисколько не похожее на удовольствие». Так; если б автор замечаний о необходимости сохранить общинное владение землею писал эту статью с целью блеснуть ученостью, он был бы чувствителен к неблагоприятному отзыву о степени своей учености. Но так как замечания эти писаны им единственно с целью защитить учреждение, очень выгодное для национального благосостояния, то, конечно, он должен желать только того, чтобы противники общинного владения остались побежденными в глазах большинства публики, а какое мнение будут они иметь о его учености, для него, конечно, все равно; он должен даже находить прямую выгоду для защищаемого им дела в том, когда противники называют его невеждою, а себя провозглашают людьми великой учености: чем слабее адвокат оправдываемой стороны и чем сильнее адвокат проигрывающей стороны, тем менее у свидетелей победы слабого адвоката над сильным остается сомнений в правоте торжествующего дела. «Вот человек, которого называют невеждою, опроверг людей, которые считают себя гораздо более учеными, нежели он. Значит, очень сильно дело, им защищаемое». Таким образом, мы с чрезвычайным удовольствием увидели, что «Экономический указатель» вздумал присвоивать нам такое положение, при котором наиболее сильно должно быть впечатление результата наших споров с ним. Мы совершенно принимаем уверения «Экономического указателя», что его знания в экономической науке гораздо обширнее наших, и просим читателей предполагать, согласно желанию «Экономического указателя», что автор статей этого журнала, служащих ответом на наш вызов, есть великий ученый, а статьи «Современника» в защиту общинного владения написаны человеком, который далеко не равняется учености своему сопернику. Чем слабее мы лично, тем очевиднее и несомненнее будет, что победою над нашим противником мы будем обязаны не личному своему превосходству, а единственно непреодолимой справедливости мнения, нами защищаемого.

«Но (может подумать иной читатель) с какою уверенностию говорит автор настоящей статьи о том, что победа в споре останется непременно за ним! Не надобно ли эту уверенность считать излишнею или, по крайней мере, неловкою самоуверенностию? — Нисколько. В каждой науке есть такие истины, защищая которые невозможно не быть уверенным в своем торжестве, как бы ни был учен и силен противник. Неужели каждый из нас, как бы ни было скромно его мнение о своих силах и познаниях, не уверен в том, что может совершенно победоносно опровергнуть

величайшего астронома в мире, если этот астроном вздумает сомневаться в обращении земли около солнца? Грот в настоящее время есть величайший знаток греческой истории; этому Гроту вздумалось доказывать, что Александр Македонский был чужд греческой цивилизации и не имел в своих жилах ни капли греческой крови. Кто из нас не в состоянии доказать, что Грот ошибается? Для этого вовсе не надобно быть особенным знатоком греческой истории: каждому известно, что учителем Александра Македонского был Аристотель, что родным языком Александра Македонского был греческий язык, а не какой-нибудь другой, что из числа предков Александра Македонского по женской линии многие были греки. Этих фактов, известных даже человеку мало образованному, не в состоянии опровергнуть никакая ученость, никакая тонкость ума. Нам скажут, что общественные науки до сих пор еще очень мало обработаны и что потому едва ли могут быть в них столь несомненные аксиомы, как в астрономии. Нет, при всем несовершенстве нынешней обработки общественных наук, в них есть уже аксиомы, справедливость которых достигла математической несомненности. Например, никакою ученостию не может быть опровергнута аксиома: «производство усиливается приложением капитала». Таких несомненных истин в экономической науке уже довольно много. К числу их принадлежит и положение о том, что при настоящем состоянии общества только общинное владение может предохранить массу земледельцев от пролетариата; к числу их принадлежит также и та истина, что земледелие в Западной Европе уже вступает, и у нас со временем вступит, на ту степень развития, когда производство усиливается введением машин и применением других способов, требующих значительного размера в хозяйстве, к которому они прилагаются. Кто захочет спорить против этих истин, тот неминуемо подвергает себя поражению, как бы ни были велики его знания. А кто защищает их, тот может быть уверен, что результатом споров будет обнаружение справедливости мнения, им защищаемого, как бы ни было скромно мнение этого человека о своих знаниях.

Итак, будучи совершенно уверены, что мнение, нами защищаемое, восторжествует, как бы ни были малы наши знания в сравнении с ученостью «Экономического указателя», мы не имеем никакого основания огорчаться тем презрением к нашим сведениям, какое угодно высказывать «Экономическому указателю». Напротив, мы находим очень благоприятным для действия несомненной победы нашего мнения то неравенство в силах, которым угодно хвалиться «Экономическому указателю»; и мы желали бы, чтобы читатели наши предполагали в нас как можно менее, а в «Экономическом указателе» как можно более учености. Словом сказать, мы с совершенною радостью принимаем все те презрительные эпитеты, которыми хочет унижить

нас «Экономический указатель». Мы просим читателя предполагать, что настоящая статья и те статьи, в которых (по окончании возражения в «Экономическом указателе») мы будем опровергать возражения «Экономического указателя», написаны человеком, у которого очень мало учености, или даже совершенным невеждою.

«Невежда» — это слово означает человека, который имеет мало сведений, но оно не значит, чтобы этот человек не желал приобретать сведений. Это желание свойственно каждому человеку, как бы ни было велико его невежество. Итак: мы ничего не знаем, но в нас есть некоторое желание учиться. Руководителем своим в занятиях мы избираем прекрасный и ученый журнал — «Экономический указатель». Мы начинаем изучать этот журнал. Мысли наши постоянно заняты вопросом об общинном владении землею. Перечитывая один за другим номера «Экономического указателя», мы ищем сведений о том, в каком бы сочинении могли мы найти основательный трактат об общинном владении. «Экономический указатель» говорит нам, что основательнейшее сочинение об экономических отношениях русского государства написано графом Тенгоборским и называется «Etudes sur les forces productives de la Russie» *. С жадностию беремся мы за это сочинение и с трепетом сердца читаем его, желая узнать мнение этого великого (по словам «Экономического указателя») ученого относительно вопроса, который нас занимает. На странице 320 и следующих 1-го тома мы находим рассуждение «О причинах, которым надобно приписывать неудовлетворительное состояние земледелия в России», а на 339 и следующих страницах того же тома рассуждение «О разделе земли между поселянами по тяглам и о влиянии этой системы раздела на успехи земледелия». Посмотрим, как думает об этих предметах писатель, рекомендованный нам «Экономическим указателем».

«Часто (говорит граф Тенгоборский) слышатся жалобы, что земледелие находится у нас в жалком состоянии и что оно держится чрезвычайно отсталых агрономических методов. Жалобы эти слышатся также во многих других странах и особенно во Франции, в Австрии и в некоторых частях Германии. Что касается нашего отечества, эти жалобы, конечно, не лишены основания, но должно также сказать, что очень часто они доводятся до некоторого преувеличения. Чаще всего до сих пор слышатся более или менее ошибочные суждения о причинах неудовлетворительного состояния нашего земледелия. Многие из этих причин так очевидны, что не могут подлежать сомнению, но очень легко ошибиться относительно степени их истинной важности, если мы не сообразим вообще всего положения нашего сельского хозяйства и всех физических и нравственных обстоятельств, от которых оно зависит.

«Трехпольному хозяйству некоторые отечественные и заграничные агрономы приписывают большую неравномерность, оказывающуюся в сборе на-

---

* «Исследования о производительных силах России». — Ред.

ших жатв, и частые неурожаи. Это суждение нам кажется сомнительно, по крайней мере, до известной степени. Главными причинами неравенства в наших жатвах и частых неурожаев должны прежде всего считаться географическое положение страны и образование ее почвы и, в некоторых областях, местные атмосферические влияния. Россия — одна из обширнейших равнин Европы, часто подвергающаяся сильному действию восточных и северных ветров; как следствие засухи, так и следствия излишних дождей, в одно и то же время одинаково чувствуются в ней на гораздо большем пространстве и гораздо равномернейшим образом, нежели в стране, природа которой разнообразна, где атмосферические влияния бывают различны в разных областях, где долины, защищенные горами от действия сухих ветров, менее бояться недостатка дождей и где, наоборот, горные местности менее подвержены вреду от излишних дождей, легче освобождаясь от избытка воды быстрым ее стоком. Именно от частых засух и страдает наиболее наше земледелие *. Земледельческие улучшения не могут совершенно отвлечь влияние этого географического положения. Конечно, надобно желать этих улучшений, но тем не менее не должно скрывать от себя, что трехпольное хозяйство при всех своих неоспоримых несовершенствах наиболее соответствует настоящему земледельческому положению и останется, по крайней мере еще надолго, господствующим в России, преимущественно в тех губерниях, где много земли и мало рук. Эта система, требующая менее труда и менее капиталов, нежели системы, более рациональные, слишком еще свойственна не только привычкам нашего народа, но также и условиям, в которых находится наше сельское хозяйство, так что не может скоро подвергнуться общему изменению. Есть даже области, как, например, большая часть южных степей, в которых, по мнению очень опытных агрономов, изучавших в течение очень долгих лет особенности почвы и климата этих областей, рациональное хозяйство невозможно по той причине, что почва не допускает там разнообразия возделываемых растений. Кроме того, издавна замечен тот факт, что все славянские племена имеют особенное расположение к системе трехпольного хозяйства. Так, например, в Австрии, в немецких провинциях эта система с года на год исчезает, между тем, как во всех славянских провинциях она еще господствует, точно так же, как и в Венгрии, где славянская система земледелия послужила образцом для мадьяров». («Etudes»; 2-е изд., том 1-й, стр. 320 и след.)

Исчислив различные другие препятствия успехам земледелия в России, граф Тенгоборский продолжает:

«Вся та земля, пользование которой уступается поселянам какой-нибудь деревни, разделяется на столько участков, сколько находится в селе тяглов или семей. Так как вся община отвечает за исполнение налогов и повинностей, лежащих на каждом из ее членов, то она и производит этот дележ. Объем участков пропорционален числу членов каждой семьи, по соображению с ее нуждами и количеством рук, которыми она располагает для обработки достоящегося ей участка. Когда сын женится при жизни отца, он получает право на особенный участок. Там, где есть чувствительное неравенство в плодородии разных полос дачи, уравнивают дележ, давая каждому часть земли каждого достоинства. Когда пространство земли превосходит нужду ее населения, то есть нормальную пропорцию, какая считается необходимой для прокормления каждой семьи, излишняя земля отдается зажиточнейшим из поселян, которые располагают наибольшим числом рабочих рук, имеют более скота и вообще более средств для обработки, и часто эти земли отдаются им даже против воли, и они пропорционально своим участкам

* По метеорологическим наблюдениям оказывается, что в России падает гораздо менее воды в виде дождя и снега, нежели в большей части других стран, именно вдвое менее, нежели в Германии и Франции, и слишком вдвое менее, нежели в Англии.

несут налоги и повинности общины. Этот дележ производится обыкновенно с большою справедливостию и осмотрительностию. Земли, остающиеся в излишке после такого дележа, образуют с тем вместе резерв для будущих дележей, которые могут сделаться необходимыми при увеличении населения. Когда, напротив того, недостает земли для выдела каждому семейству участка, соразмерного его потребностям, излишек населения уходит в соседние волости или губернии, а иногда даже в чрезвычайно отдаленные провинции, чтобы зарабатывать там себе хлеб.

«Как ни законна и гуманна такая система дележа, но легко видеть, какое раздробление земли и какие частые перемены в пользовании участками должны происходить при ней по мере того, как увеличивается или уменьшается население и число тягол деревни, что, конечно, не может быть выгодно в агрономическом отношении; потому что 1) неуверенность сохранить надолго и передать по наследству своим детям обработанную землю делает поселянина равнодушным ко всякому улучшению, выгоды от которого могут быть получены им только в более или менее отдаленном времени; 2) раздробление участка поселянина на несколько мелких частичек, разбросанных по нескольким полям для уравнивания производительной ценности участков, также чрезвычайно невыгодно для обработки. Но должно сказать, что чрезвычайно трудно устранить эти неудобства, потому что такая система дележа связана с патриархальным устройством наших общин, касаться которого было бы опасно. Эта система дележа основана на коренной идее о единстве общины и равном праве каждого из ее членов на пропорциональный участок земли, принадлежащий общине. Таким образом, она утверждает и укрепляет общинный дух, который надобно считать одним из самых консервативных элементов общественной организации. С тем вместе это одно из лучших предохранительных средств против вторжения пролетариата и коммунистических идей, которые должны иметь мало привлекательности для земледельцев, уже пользующихся сообща, посредством справедливого распределения, плодами земель, ими обрабатываемых. Нельзя не заметить того здравого смысла и практического духа, с которым наши поселяне часто сами, смотря по местным обстоятельствам, видоизменяют те подробности системы, которые могут иметь неудобные следствия; нельзя не заметить той легкости, с которой они слаживаются между собою для соразмерения неравностей, возникающих от различия почвы и ее плодородия; нельзя, наконец, не заметить того доверия, с которым каждый из них подчиняется решениям общины, хотя бы они противоречили его личным видам или удобствам. Казалось, надобно бы было ожидать, что эти часто возобновляемые дележи земель должны служить источником многочисленных споров, но, напротив, поселяне очень редко обращаются ко вмешательству начальства для исправления этих разделов. Такой факт, чрезвычайно удивительный сам по себе, объясняется одною причиною. Именно, эта система, как бы ни была она дурна по другим отношениям, до такой степени отождествилась с нравами и понятиями наших поселян, что они без недовольства переносят все ее неудобства. В этом случае нам лучше всего сослаться на г-на Гакстгаузена. Из его интересного сочинения о России мы приведем только два примера, чрезвычайно замечательные и доказывающие, что эта система дележа, до сих пор, несмотря на все свои несовершенства, есть именно такая система, которая, при настоящем положении дел, наилучшим образом соответствует не только нравам нашего сельского населения, но также и его действительным потребностям.

«Приехав в деревню Гору Пятницкую*, в Ярославской губернии,

---

* Тут у Тенгоборского вкралась небольшая ошибка от недосмотра. Гакстгаузен рассказывает это не о селе Гора Пятницкая (принадлежавшем тогда г. Карновичу), — речь о Горе Пятницкой будет еще впереди у Гакстгаузена, — а об одной из деревень, через которые проезжал Гакстгаузен по дороге из Ярославля в Гору Пятницкую.

г. Гакстгаузен собрал на месте следующие сведения об экономических отношениях этой общины. Эта деревня, состоящая из 23 семей с 82 душами мужского пола, принадлежала прежде князю Козловскому. Крестьяне выкупались на волю, заплатив помещику 14 280 рублей серебром. Три пятых части этой суммы были выплачены наличными деньгами, а уплата остальных денег была разложена на семь лет. Земля была разделена между поселянами не по общему обычаю, то есть не по числу работников и семей, но по пропорции суммы, внесенной каждым домохозяином при выкупе. Такой порядок казался и справедливым, и натурален, однако же крестьяне нашли его столь неудобным и столь несообразным с своими привычками, что решились потом разделить между собою сумму выкупной платы, как простой общинный * долг, и произвести дележ земель по обыкновенной системе. Второй пример еще более поразителен.

«Немецкие колонисты, поселившиеся в Саратовской губернии, принесли с собою принцип передачи поземельной собственности по праву наследства, сообразно обычаям и законам, принятым на их родине. Правительство не только дозволило соблюдение этого принципа, но даже приняло его, как обязательный для колонистов, в статут о их общинном устройстве. Что же? Через несколько лет они стали просить и долго просили перемены этого пункта в статуте и позволения принять систему дележа, употребительную у русских поселян, — до такой степени показался им выгоден русский способ для сохранения их благосостояния, и это позволение было, наконец, им дано.

«Все это доказывает, что было бы неблагоприятно резко преобразовывать порядок вещей, столь тесно слившийся с местными преданиями, и с правами и потребностями нашего сельского населения, как бы неоспоримы, впрочем, ни казались неудобства, могущие возникать из него относительно успехов земледелия.

«Есть, однако же, изменение, которое, нам кажется, можно было бы мало-помалу ввести в эту систему, оставляя неприкосновенным принцип равного дележа по тяглам; именно можно было бы соразмерять величину каждого участка с степенью плодородия его почвы, вместо того чтобы назначать каждой семье частичку каждого клочка дачи, раздробленной по качествам почвы. Те, которые оказались бы невыгодно наделенными по этому способу, могли бы получать соразмерное облегчение в общинных податях и повинностях, а все имели бы ту выгоду, что каждый владел бы в одном куске ему доставшимся участком, — это принесло бы значительное удобство при обработке. Само собой разумеется, этого не следовало бы производить принудительным образом и в виде общей меры, но способом ободрения и влиянием отдельных примеров. Тут правительство могло бы даже, вероятно, оказывать некоторое влияние, уступая пустопорожные государственные земли с некоторыми условиями, которыми ограничивалось раздробление возделываемых земель на мелкие частички». (Etudes, том I, стр. 339).

Невежество наше так глубоко, что мы не знали даже о существовании русского перевода книги графа Тенгоборского и потому должны были переводить места, представляемые читателю. Уже потом из «Экономического указателя» мы узнали, что первый том графа Тенгоборского давно переведен г. Вернадским, — вот вред невежества: оно заставило нас трудиться над тем, что уже сделано другими **. То же самое невежество было

* У Гакстгаузена сказано точнее: как личный долг; но смысл один и тот же, то есть каждый поселянин остался должен общине или община осталась ему, смотря по тому, более или менее он заплатил, нежели причиталось на его долю по расчету душ.

** Впрочем, мы не раскаиваемся в том, что представили читателю перевод, не во всем согласный с переводом г. Вернадского.

причиною и другой ошибки, отнявшей у нас гораздо более времени. Если б мы были люди ученые, если б мы знали предшествовавшие сочинения графа Тенгоборского, быть может, мы не потратили бы нескольких дней на чтение его книги о производительных силах России. Мы с самого начала догадались бы, что она драгоценна, как сборник фактов, как справочная книга, но что автор ее не принадлежит к числу людей, мнения которых должны быть считаемы законами науки, что часто он в своих умозаклчениях делает ошибки, очевидные и для нас при всем нашем невежестве (в пример мы укажем на страницу 333 и следующие I тома, — интересно было бы знать, как думает об этих страницах «Экономический указатель», приверженец системы *laissez-faire, laissez passer*? *). Словом сказать, мнения Тенгоборского мы нисколько не намерены выставять имеющими особенный авторитет для нас. И в настоящем случае нам кажется, что он преувеличивает неудобства общинного владения, до странности уменьшая вредные следствия других обстоятельств, затрудняющих успехи нашего земледелия. Нам кажется даже, что он не совершенно отчетливо знает различные порядки, по которым делится у нас земля. Он воображает, что раздел по тяглам совпадает с разделом по ревизским душам. Это ошибка. В одних селах земля делится по тяглам, в других по ревизским душам. Ниже мы увидим причины такого различия, их объяснит нам Гакстгаузен. Далее Тенгоборский воображает, что в тех случаях, когда излишняя земля навязывается зажиточным семьям против их воли, община находится в нормальном положении. Он не замечает, что странно говорить, будто человек может считать невыгодною обширность своей земли, и по его рассказу выходит, будто наши поселяне обременяются излишеством своих земель и сами не знают, что делать с таким бременем. Ниже Гакстгаузен объяснит нам, в каких случаях и на каком основании происходят эти ненормальные явления, ненормальность которых не замечается Тенгоборским. Еще далее Тенгоборский, забыв, что несколькими страницами выше он доказывал невозможность покинуть трехпольное хозяйство, воображает, будто бы наше земледелие находится в таком положении, что без общинного владения было бы выгодно применять к улучшению земли такие средства, действие которых обнаруживается только через несколько лет, — если б он не воображал этого, он не поставил бы общинное владение препятствием к таким улучшениям, которые и без общинного владения были бы невозможны. Ниже Гакстгаузен объяснит нам, что затрата капиталов на улучшение земли (препятствием к которой Тенгоборский считает общинное владение) невозможна ни при каком способе владения землею в настоящее время и останется невозможною, пока не изменятся

* Не мешать, не препятствовать. — *Ред.*

условия нашего земледельческого быта, а когда они изменятся (именно, когда возвысится ценность земледельческих продуктов и т. д., и т. д.), то капиталы будут затрачиваться на улучшение земли и при сохранении общинного владения. Ко всем этим недоразумениям надобно прибавить неточность, замеченную нами в выписках, сделанных Тенгоборским из Гакстгаузена, и «Экономическому указателю» будет понятно, почему Тенгоборский не кажется нам великим авторитетом в своих рассуждениях. Но, по мнению «Экономического указателя», г. Тенгоборский есть великий авторитет, и мы, по своему невежеству, должны предпочесть мнение столь ученого журнала нашим собственным соображениям. Итак, мы послушно признаем Тенгоборского великим экономическим мыслителем. Каково же мнение этого мыслителя об общинном владении? Он признает такой порядок вещей очень неудобным, но полагает, что его отменение повлекло бы за собою бедствия, гораздо более значительные, нежели те неудобства, какие представляются его сохранением, и что потому общинный порядок владения должен быть сохранен. Опять, мы не можем совершенно согласиться с Тенгоборским во взгляде на выгоды, представляемые по его мнению сохранением общинного владения. Некоторые из обстоятельств, казущихся ему выгодными, для нас казались бы невыгодными; но, к счастью, мы полагаем, что Тенгоборский преувеличивает последствия, которых ждет от сохранения общинного порядка, как преувеличивает его неудобства. Этот порядок обеспечивает огромному большинству поселян пользование землею. Он предотвращает излишнее неравенство состояний между членами общины: этих выгод, на наш взгляд, совершенно достаточно для предпочтения общинного владения всякому другому. Мнение Тенгоборского о других выгодах, будто бы приносимых этим порядком, нам кажется следствием малого знакомства автора с русскою историею. Земледельческий класс, хотя и всегда пользовался у нас землею по общинному порядку, не всегда являлся в русской истории с тем неподвижным характером, каковой воображает видеть в нем Тенгоборский, слишком доверившись общей обычной фразе о неподвижности, свойственной земледельцу в Западной Европе, и применив эту бездоказательную фразу к русскому поселянину. Нам здесь нет нужды толковать о том, каков характер западного европейского поселянина. Напомним только о том, что казаки были большею частью из поселян и что с начала XVII века почти все драматические эпизоды в истории русского народа были совершены энергиею земледельческого населения⁵.

Мы далеко не во всем соглашаемся с Тенгоборским в мнении как о неудобствах, так и о выгодах общинного владения; зачем же мы привели его суждение об этом предмете? Единственно затем, чтобы показать тот путь, которым начинают раз-

виваться наши сведения об экономической науке. Вот мы уже знакомы с Тенгоборским и воображаем даже, что можем замечать его ошибки, чувствуем даже (о, как велика бывает самоуверенность невежды!), что предмет, о котором идет дело в настоящем случае, именно выгоды и невыгоды общинного владения, понимается нами лучше, нежели Тенгоборским. Словом, Тенгоборский не удовлетворяет нас, и мы хотим искать сочинения, в котором вопрос, занимающий нас, рассматривался бы с большею основательностью.хлопоты об этом не отнимают у нас много времени: сам Тенгоборский указывает нам на какого-то Гакстгаузена, написавшего будто бы интересное сочинение о сельскохозяйственных вопросах России. Что это за Гакстгаузен? Посмотрим, что такое он говорит. Начинаем читать Гакстгаузена и видим, что мнения Тенгоборского об общинном владении,— и не только мнения, но и решительно все сведения об общинном владении, — заимствованы Тенгоборским из Гакстгаузена, впрочем, заимствованы, по обычаю всех компиляторов, не без некоторых промахов и недоразумений. Это замечание служит для нас поводом к такому умозаключению: если Тенгоборский, великий ученый по мнению «Экономического указателя», находил совершенно достаточными для поддержания своей ученой славы сведения, почерпнутые из Гакстгаузена, то и нас теперь, когда мы познакомились с Гакстгаузенем, никто не может не признать людьми замечательной учености. Мы имеем у себя на столе книгу Гакстгаузена, следовательно, по вопросу об общинном владении, обладаем всеми теми средствами учености, какими владел Тенгоборский. Итак, в этом деле мы перестаем быть невеждами, напротив, становимся, подобно Тенгоборскому, великими учеными. Читатель! Что вы найдете прочного в наше время? Некогда очень прочною вещью было невежество; бывало, человек, воображавший себя ученым, воображал себя разделенным непроходимой пропастью от людей, которых не угодно было ему считать учеными. Увы! теперь и эта монополия шатается. Ныне, лишь была бы охота, каждому доступны средства приобрести обширные знания в предмете, который его интересует. Вот хотя бы и наш пример. Давно ли «Экономический указатель» находил в наших замечаниях об общинном владении доказательства невежества, а вот теперь мы уже знаем об этом предмете ни на волос не меньше, нежели знал сам Тенгоборский, которого даже «Экономический указатель» признает великим ученым. В грустное время живем мы с вами, читатель! Ныне нельзя гордиться перед своими сотоварищами не только каким-нибудь другим, менее достойным уважения преимуществом, но нельзя гордиться даже ученостью: к великому сожалению нашему, знание сделалось ныне доступно не одним цеховым ученым, но решительно каждому, имеющему охоту или чувствующему потребность приобрести знание. Груст-

ное время, когда мы повсюду вокруг себя видим исполнение могущественных слов, произносимых духом нашего века: «Восстань, спящий, и воскресни из мертвых!»

Но довольно об этом грустном предмете. Пора нам заняться Гакстгаузенем. Книга его, к сожалению, слишком мало еще известна у нас, хотя первые два тома ее вышли уже десять лет тому назад. В свое время «Современник» указывал русской публике на это замечательное сочинение и представлял некоторые извлечения из него («Современник», томы V и VI, Смесь). Мы прежде всего воспользуемся общими замечаниями, которые были тогда сделаны нашим журналом о происхождении и характере книги Гакстгаузена.

«Г. Гакстгаузен говорит в своем предисловии, что «он уже давно посвятил себя изучению сельских учреждений во всем их объеме, во всем, что касается до устройства общин, до состояния земледельцев, до отношения их к семейству, владельцу земли (там, где крестьяне находятся в зависимости), к общине и к государству, — что он старался изучать и наблюдать непосредственно собственными глазами жизнь так называемых низших сословий» и прочее. Несколько лет тому назад прусское правительство дало г. Гакстгаузену средства для его ученых розысканий, поручив ему исследование сельского устройства в прусской монархии. С 1830 года по 1838 год он объездил с этой целью все прусские провинции. Разбирая историческое развитие некоторых сельских учреждений в Пруссии, г. Гакстгаузен нашел в них различные отношения, несколько не объяснимые чисто германским народным бытом. В некоторых частях Германии, с XI до XII века, обитали славянские племена, впоследствии истребленные или огерманизированные; этот исчезнувший славянский народный быт мог служить источником тех сохранившихся загадочных и особенных сельских отношений. Автор, желая объяснить себе этот предмет, счел необходимым ближе познакомиться с славянскими народами, особенно с теми, которые живут на своих первобытных местах и самобытно, беспримесно развивают свою народную жизнь. В прусских провинциях, до сих пор обитаемых славянскими племенами: кашубами, мазурами, верхними силезцами, поляками, сельские учреждения не могли сохраниться в своей первобытной чистоте, они развивались под влиянием соседственных германских племен; что осталось в них своего славянского, что приобрели они от германского племени, отличить очень затруднительно. Для этого г. Гакстгаузен предпринял путешествие в славянские земли: в южные провинции Австрии, Сербию, Болгарию и преимущественно в Россию. В России он нашел полные пособия для своих ученых исследований: он не только был поручен правительством вниманию и покровительству местных начальств, но ему еще были сообщены документы из архивов и правительственных мест.

«Г. Гакстгаузен начал свое *аграрное* путешествие по России весной 1843 года. Сперва он отправился на север, осмотрел часть обширного лесного пояса России, потом объехал губернии Казанскую, Саратовскую, Пензенскую, Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую, Екатеринославскую и из Керчи предпринял небольшое путешествие в южно-кавказские земли, объехал Крым и берегом достиг до Одессы. Из Одессы он отправился в Подолью и Волинию, доехал до Киева и через Чернигов, Орел и Тулу возвратился в ноябре месяце в Москву. Изданные им теперь два тома заключают в себе часть наблюдений и обильных материалов, собранных им в России». («Современник», том V, Смесь, стр. 247.)

«Обилие документов (замечает «Современник» в другом месте) о нашем общественном быте и особенно обо всем, что касается до сельских учреждений, собранных автором из официальных источников, придает особенную

важность книге барона Гакстгаузена. Сам барон Гакстгаузен по понятиям, убеждениям, образу мыслей и занятиям — немецкий дворянин, католик и агроном». («Современник», том VI, Смесь, стр. 38.)

Прежде нежели начнем мы делать извлечения из Гакстгаузена, мы считаем не излишним несколько подробнее развить замечание, представленное нами выше из VI тома «Современника» относительно убеждений, которыми руководился немецкий агроном в своих суждениях об общественных делах.

Во-первых, надобно сказать, что Гакстгаузен по своим политическим мнениям не только не республиканец или хотя бы либерал, но даже не просто консерватор, а такой реакционер, какие в Германии могут быть встречаемы только между помещиками некоторых прусских провинций. Он видит единственное спасение для Пруссии в восстановлении прежней неограниченной власти короля и считает совершенной погибелью для этого королевства не только конституционное устройство, введенное в Пруссии событиями 1848 года, но и предшествовавшее тому учреждение Общего собрания сословий королевства в 1847 году. Он считает врагом бога и родины каждого немца или француза, не признающего самодержавной власти необходимостью для Германии или Франции. Он не только желает восстановления самодержавной власти в тех странах Западной Европы, где идет борьба между самодержавием и конституционным устройством, но желал бы ввести самодержавную монархию даже в Северной Америке, которую ставит, относительно политического устройства, гораздо ниже России.

Такой человек, конечно, не может быть заподозрен в особенном сочувствии к социализму или коммунизму; и действительно, Гакстгаузен гнушается этими системами и прямо называет их порождением дьявола.

Об этих мнениях Гакстгаузена каждый из его западноевропейских читателей, конечно, судит сообразно своему взгляду на политические вопросы: одному может нравиться, другому не нравиться политический образ мыслей Гакстгаузена. Но все отдадут ему полную справедливость в том отношении, что он хороший агроном и основательно знает сельскохозяйственные учреждения всех стран Западной Европы, а в особенности Германии, которую изучил в сельскохозяйственном отношении превосходно; и не только хорошо знает он эти учреждения, но и судит о них вообще справедливо. Он человек в высокой степени практический относительно тех дел, в которых может иметь самостоятельное мнение по близкому знакомству с ними. Политиком он не занимался; рассуждая о политических вопросах, он по преданию принимает понятия, господствующие в сословии, среди которого он воспитался и живет. Но как скоро речь пойдет о каком-нибудь сельскохозяйственном вопросе, Гакстгаузен

является уже не прусским помещиком, а просвещенным, опытным и проникательным сельским хозяином. Тут ему нет уже никакого дела до того, как думает об этом вопросе та или другая политическая партия. Он смотрит только на то, каковы сельскохозяйственные и вообще экономические последствия этого учреждения. Он отвергнет учреждение, нравящееся его политической партии, если это учреждение найдет невыгодным или неудобным для народного хозяйства. Он будет защищать сельскохозяйственное учреждение, не нравящееся его политическим друзьям, если найдет, что это учреждение полезно для национального хозяйства. Он прямо скажет: «экономическая область должна быть чужда политическим предубеждениям или пристрастиям: вопросы о национальном благосостоянии выше споров о формах политического устройства. Притом же экономические вопросы не имеют необходимой связи с политическими».

В этом состоит сильная сторона книги Гакстгаузена. Он рассматривает сельскохозяйственные учреждения с точки зрения чисто экономической, не увлекаясь никакими политическими пристрастиями, и за то заслуживает полного одобрения. В самом деле: какая нужда нам до того, как называются люди, благоприятствующие или неблагоприятствующие какому-нибудь практическому учреждению? Нам нужно обращать внимание только на то, полезно ли это учреждение. До прозваний и систем практическому человеку нет никакого дела; мы должны держаться в практических вопросах исключительно того критерия, который выставлен прекрасными словами: «по плодам дерева судите о дереве». Это правило мы поясним следующим примером, взятым из Гакстгаузена.

«22 июня (говорит он) мы приехали в татарское село Епанашино (Казанской губернии). В этом селе нет школы, но вообще по татарским деревням много школ. Эти училища устроены по системе взаимного обучения, как во многих восточных странах. Иезуиты нашли эту методу у индусов и ввели ее во многих из своих школ. Бель-ланкастерская метода вовсе не новое изобретение!» (Гакстгаузен, том I, страница 492.)

Какое нам дело до того, что система взаимного обучения принята иезуитами, которых мы ненавидим? Какое нам дело до того, что она издавна существует у татар, грубых и невежественных? Какое нам дело до того, что она принята у индусов, гнусное суеверие и пагубные национальные обычаи которых могут нам казаться отвратительными? Сама по себе система взаимного обучения хороша, и мы не будем останавливаться на том, что она явилась на свет с дурными рекомендациями. Мы смотрим на достоинство самой вещи, а не на ярлычок, к ней прицепленный.

Но довольно, слишком довольно всех этих объяснений и предисловий. Мы хотим в настоящей статье познакомить читателя с теми сведениями о русском обычае общинного владения землею, которые собраны у Гакстгаузена полное и основательнее, нежели у какого-либо другого писателя, изучавшего этот чрезвычайно важный предмет. Пора нам начать наши извлечения из этого исследователя, действительно замечательного и основательного, с мнениями которого не всегда можно соглашаться, но неутомимое трудолюбие и обширность знаний которого нельзя не уважать. Мы начнем наши извлечения теми страницами его книги, которые заключают общий свод сообщенных ему сведений о порядке общинного владения в России.

«О разделе земли в русских сельских общинах были сообщены нам (говорит Гакстгаузен) следующие известия: по принципу все население сельской общины рассматривается как единица, которой принадлежит вся дача деревни: поля, луга, пастбища, леса, ручьи, пруды и проч. Каждый мужчина, находящийся в живых, имеет право на совершенно равное участие во всяком пользовании землею. Потому участок каждого поселенца по принципу постоянно подлежит изменению, так как каждый новый мужчина, рождающийся в общине, является с новым правом и требует своего участка; взамен того и участок каждого умершего возвращается в общину. Леса и пастбища, права на охоту и на рыболовство остаются нераздельными, и каждый с равным правом участвует в пользовании ими. Поля и луга, напротив, разделяются между всеми мужчинами равномерно, по своей внутренней ценности. Это равномерное разделение, конечно, очень трудно. Дача деревни состоит из хороших, из посредственных, из дурных полос; одни полосы лежат близко, другие далеко, и оттого пользование различными полосами не одинаково удобно. Как тут вести уравнивание? Трудность велика, но русские легко преодолевают ее: в каждой общине есть искусные землемеры, научившиеся своему делу по преданиям и исполняющие его с ловкостью и ко всеобщему удовольствию. Министр государственных имуществ, г. Киселев, приказал в различных местностях Воронежской губернии произвести оценку общинных участков ученым землемерам и таксаторам, и сравнение показало, что размежевание и оценка, произведенная деревенскими межевщиками, отступает от оценки, совершенной научным образом, только на три и четыре процента, — и кто знает еще, на чьей стороне точность! Сначала дача разделяется на полосы, смотря по отдаленности или близости, по качеству земли и по степени ее свежести или удобренности, так что каждая полоса бывает куском совершенно однородным во всех отношениях. Потом каждая из этих полос разделяется на столько участков, сколько находится в общине людей, имеющих участие в дележе, и участки разбираются ими по жеребью. При этом дележе и метании жеребья обыкновенно присутствует целая община, в том числе даже женщины и дети. Но притом господствует величайший порядок и тишина; господствует также величайшая справедливость, и никогда не бывает раздора. Когда думают, что кому-нибудь достался участок менее ценный, то вознаграждают его из запасных земель. Таков общий порядок; но в каждой области, в иных местах в каждой общине, установились местные обычаи, которыми он видоизменяется. Очень интересно было бы исследовать все эти особенности. Например, в Ярославской губернии существуют во многих общинах особенные, чрезвычайно чтимые, землемерные жезлы. Длина их соответствует доброкачественности различных почв, так что, например, жезл для самой лучшей земли — самый короткий; для земли несколько похуже — жезл несколько подлиннее; и, наконец, для самой худшей земли — жезл самый длинный. Итак, в этих общинах раз-

личные участки не равны величиной, но именно тем самым уравниены в своей ценности *.

«Мы имели здесь в виду свободную русскую общину, которой дача принадлежит в собственность. Таких свободных общин, действительно, много существует в России. Сюда относятся, например, все казацкие общины. Но в принципе не производит никакой разницы то обстоятельство, принадлежит ли дача в собственность общине, или она отдана общине только во владение, как у государственных крестьян, или даже только в пользование, как у крепостных крестьян.

«Принцип равного деления по душам — первобытный славянский принцип: он происходит из древнейшего принципа славянского права, принципа о нераздельном общем владении всем родом. Такой дележ земель находился, быть может, у всех славянских народов, и теперь, может быть, находится в Сербии, Кроации, Славонии и проч., где не повсюду происходит даже годичное разделение земель, а в иных местах обработка земли производится вообще всею общиною под управлением старшин, и только уже жатва поровну разделяется членами общины.

«Принцип раздела земель по душам в России сохранился даже у крепостных крестьян, находящихся на оброчном положении, которое прежде было единственным употребительным. Но у тех, которые отправляют барщину, мы находим следующее видоизменение принципа. При оброчном положении, как мы сказали, каждая мужская душа получает равный участок земли, но зато каждая мужская душа берет на себя и равную часть в оброке. Когда же введена в деревне барщина, то, конечно, малолетки и старики, не могущие работать, не несут барщинной повинности; потому не могут иметь они и притязания на участки земли, раздаваемой крестьянами взамен барщинной работы. Потому в селах, имеющих барщину, появилось другое основание дележа земель, именно: земля делится не по душам, а по тяглам.

«Указанные здесь отношения составляют основание русского общинного устройства, одного из замечательнейших и интереснейших государственных учреждений, какие только существуют в мире. Оно несомненно представляет неизмеримые выгоды для внутреннего общественного состояния страны. В русской общине есть органическая связь, в ней лежит столь крепкая общественная сила и порядок, как нигде в других странах. Описанный порядок доставляет России ту неизмеримую выгоду, что в этой стране до сих пор нет, и не может образоваться, пролетариата, пока существует такое общинное устройство. Человек может обеднеть, может лично промотать все свое имущество, — это не вредит его детям: они все-таки удерживают или вновь получают свой участок по общинному праву, потому что на участок этот имеют они право не как наследники своего отца, а как члены своей общины; дети не наследуют в русской общине нищеты отца.

«Но, с другой стороны, надобно сознаться, что в основании этого общинного устройства (в ежегодном дележе земли) не лежит условий успехов сельского хозяйства, или, по крайней мере, эти успехи очень затрудняются таким порядком дел. Хлебопашество и все отрасли сельского хозяйства, быть может, подвергнутся когда-нибудь опасности быть удержаны этим принципом на низкой ступени. Останется ли такое устройство, когда умственное образование сделает значительные успехи между русскими поселянами? Кто может решить это! Опытные и образованные сельские хозяева, как, например, г. Карнович, отзываются об этом порядке невыгодно и думают, что земледелие не может идти вперед, когда такой принцип применяется во всей своей строгости. Но в том и дело, что уже давно этот принцип не применяется во всей своей строгой последовательности. Он нигде не покинут, но он поддежит естественным, удобным и выгодным видоизменениям.

* Из слов Гакстгаузена очевидно, что в этих общинах дача не дробится предварительно на полосы одной доброкачественности и что каждый участок состоит из одного куска, а не из мелких разбросанных частей.

Русские поселяне в своей массе не имеют ни малейшего недостатка в здравом, практическом понимании того, что относится к действительным интересам. В них этого качества, может быть, больше, нежели в других народах. Они давно увидели, какие невыгоды и неудобства приносит строгое доведение системы равного дележа до крайних последствий. Когда я предлагал г. Карновичу вопросы, действительно ли где-нибудь земля ежегодно вновь переделывается между членами общины, то он решительнейшим образом отвечал на это отрицательно, и его ответ подтверждаем был мне многими другими людьми и во многих других местах, где я предлагал этот вопрос. В различных частях России встречаются многообразные видоизменения общего обычая. В здешних местностях (около Ярославля) и, вероятно, в целой Ярославской губернии поступают следующим образом.

«Как известно, в определенные сроки производятся в России народные переписи для распределения подушной подати и рекрутской повинности. Эти переписи называются ревизиями, и со времен Петра I, стало быть, в течение 130 лет, было их восемь*. Относительно этих сроков принято за правило, что в год ревизии должен быть произведен в общинах новый передел земли. Если б это не было предписано, то поселяне, по крайней мере в здешних местах**, даже и в ревизионный год не стали бы предпринимать нового передела, потому что, как неудобен для них этот передел, сколь невыгодным он для них кажется, обнаруживается уже из прозвания, которое они дают ему — именно они называют его *черный передел*, то есть *die schwarze, böse Theilung* (черный, злой дележ)***.

«При последней ревизии в здешней местности поступали следующим образом и, конечно, подобным же образом поступали в значительной части России:

«Прежде всего общинная дача размеривается и оценивается по качествам почвы деревенскими межевщиками, и каждая полоса делится на известное число участков. В государственных имениях количество этих участков рассчитывается приблизительно по числу ревизских душ, а в удельных и крепостных имениях по числу тягол; но на случай приращения в населении, нарезывается несколько лишних участков, которые и составляют резерв для общины. Слишком неправильные фигуры, образуемые дорогами, рвами, берегами и проч., трудно измеримые, обрезаются так, чтобы выделялись из них участки правильной формы, и остающиеся таким образом за границами участков полосы, концы и углы также причисляются к резервным землям и служат для уравниваний между участками, если который-нибудь окажется

---

* Первые две части сочинения Гакстгаузена вышли в 1847 году.

** Гакстгаузен, очевидно, говорит о той местности Ярославской губернии, в которой лежит поместье г. Карновича, на свидетельстве которого главным образом основываются сведения, сообщаемые автором на этих страницах; то есть дело идет о той части Ярославской губернии, которая сопредельна с губерньским городом.

*** Гакстгаузен введен в ошибку относительно смысла слова *черный* в этом выражении; оно, очевидно, имеет то же значение, как в выражениях: *черная земля, черные люди, черная сотня*, то есть *тяговая, или податная*, в противоположность *белой*, то есть освобожденной от тягла или оброка, податей и барщины. Итак, *черный передел* значит просто передел податных земель или передел земли между людьми податного сословия. Ошибка, в которую введен был Гакстгаузен, произошла от того, что люди, на словах которых он основывался, с одной стороны, не знали коренного смысла слова *черный*, несомненного для каждого знакомого с старинными грамотами, а с другой стороны, эти люди, сами представляя себе передел земли невыгодным для хозяйства, внесли в непонятное для них народное выражение тот смысл, какой для них самих мог казаться натуральным при их взгляде на этот предмет. На этом ошибочном толковании построенное предположение о чувствах поселян вовсе не убедительно.

малоценнее других. Эти углы и концы называются заполоски. После того каждому выдается участок, доставшийся ему по жребию, а резервные земли община или отдает в наем, или как-нибудь иначе пользуется ими. Когда теперь впоследствии времени родится мальчик или образуется новое тягло, то из резервных земель выделяется и дается ему новый участок. Когда кто умирает, то его участок присоединяется к резервным землям. Но вообще сколько возможно соблюдается то, чтобы, например, участок, принадлежавший умершему отцу, вновь был отдан его сыну, так, чтобы существующие земельные хозяйства сколько возможно менее нарушались в своем существовании. В последнем обстоятельстве заключается причина и того, почему семьи охотно остаются без раздела в хозяйстве *. Когда умирает отец, то часто старший брат заступает его место как глава семьи, пользуясь совершенно всей его властью, и хозяйство остается неразделенным.

«Из этого видно, что дележ земель на практике вовсе не так пагубен, как можно бы полагать, судя по его принципу. На это могут сказать, что когда человек не есть собственник земли или по крайней мере не имеет твердой обеспеченности, что будет пользоваться ею в продолжение многих лет до определенного срока, то не будет он предпринимать никаких улучшений, не будет влагать в землю капиталов, чтобы сообщить ей высшую обработку,—но мы уже показали, что каждый член общины достаточно обеспечен в том, что сохранит владение своим участком, по крайней мере, от одной ревизии до другой, то есть на период от 10 до 15 лет. Кроме того, надобно сказать, что до сих пор вообще к России очень мало могут применяться западноевропейские средства и потребности относительно приложения капиталов к земле и улучшений сельского хозяйства. Например, в Западной Европе и в Германии сама по себе земля составляет не более как две трети ценности всего хозяйства, а остальная треть ценности состоит в скоте, орудиях, произведенных работах для улучшения почвы. Потому в Западной Европе, если я не уверен, что удержу землю, по крайней мере, на известное число лет, и по окончании их не получу вознаграждения за работы, улучшившие почву, то я могу потерять одну треть моего состояния, именно при перемене я совершенно потерял бы удобрение и засев, мой скот подвергся бы неудобствам от перемены, а мои орудия могли бы стать отчасти ненужными для меня. Если, например, в Германии, я покупаю 1 июня поместье в 500 моргенов пахотной земли при ста моргенах лугов и десяти моргенах сада, то покупная цена распределится по статьям ценности поместья следующим образом:

1) Пахотная земля	20 000 талер.
2) Луга	9 000 »
3) Сад	1 000 »
4) Удобрение и посев	3 000 »
5) Работы для улучшения лугов	500 »
6) Работы и орудия для сада	500 »
7) Скот и сельскохозяйственные орудия	6 000 »
8) Усадьба	6 000 »

46 000 талер.

Теперь, если статьи 1, 2 и 3, имеющие вместе ценность 30 000 талеров, даются мне только на время и могут быть ежеминутно переданы другому, то при этой передаче я рискую совершенно потерять статьи 4, 5, и 6, имеющие ценность 4 000 талеров; а по статьям 7 и 8, имеющим ценность 12 000 талеров, понести убыток, размер которого не могу вперед определить.

* Гакстаузен опять введен в ошибку. Нелюбовь поселян к разделу семьи на отдельные хозяйства происходит от другой причины, именно оттого, что чем больше работников в одном хозяйстве, тем богаче оно; одинокий мужик не может хорошенько управиться с полевыми работами.

«Такие соображения не прилагаются к России. В средней полосе империи, в области чернозема, плодородие так велико, что земля не удобряется, пашется только один раз, да и то слегка, потому удобрение и работа запашки вовсе не входят в расчет; да и цена семян окажется незначительна, когда мы вспомним, что шеффель ржи в дешевые годы продается по 12 зильбер-грошей (четверик 20 коп. серебром). Искусственных лугов и садов почти нигде нет. Овчарни существуют у крестьян чрезвычайно редко. Обзаведение рогатым скотом у них незначительно; лошади дешевы. Если мы подумаем, что в Ярославской губернии обыкновенная цена хорошей крестьянской лошади 50—60 рублей ассигнациями, то легко нам сообразить, как ничтожен капитал, затрачиваемый на обработку земли. Изба русскому поселянину почти ничего не стоит. Бревна на постройку получает он даром из общественного леса и сам строит себе жилище из этих бревен, так что расходы его наличными деньгами на постройку дома не доходят и до пяти талеров. Итак, если в Германии при оценке поземельного участка принимается в расчет, кроме самой земли, значительный капитал, образуемый хозяйственным инвентарем и искусственными улучшениями почвы, то в большей части России такой расчет почти совершенно неприменим к делу, оттого для России постоянство в пользовании землею далеко не имеет того значения, как для остальной Европы.

«Вообще в наибольшей части России земля имеет незначительную ценность; она только почва для человеческого труда; потому еще несколько лет тому назад все купчие крепости, дарственные записи и завещания говорили только о душах. Продавали, делили и т. п., в селе N столько-то и столько-то душ крестьян. Земля была только прибавкою к людям!

«Будет ли увеличиваться ценность земли, иначе сказать, будет ли идти вперед земледелие, достигнет ли оно цветущего состояния — это вопрос будущего для России; но я боюсь, что в ближайшем будущем вопрос этот поставится невыгодным образом *. Я уже указывал, что в России земледелие и фабричная промышленность находятся в ненормальном отношении. Земледелие не будет никогда процветать, пока чистый доход от него будет так незначителен, как в настоящее время. А чистый доход от земледелия будет незначителен до той поры, пока не будет возвращена в естественные границы искусственно порожденная фабричная промышленность или пока народонаселение не возрастет настолько, что окажется излишек рабочих рук. В остальной Европе фабриками заняты только те рабочие силы, которые уже не могут быть обращены на земледелие по излишеству рук для этого занятия. В России, напротив, обращаются на земледелие только те рабочие силы, которые излишни для фабричной и ремесленной промышленности или отвергнуты ею как негодные.

«Потому русское равномерное разделение земли между членами общины, по нашему мнению, совершенно соответствует настоящему общему социальному положению страны, а также и настоящей степени развития хлебопашества в России. И надобно прибавить, что оно не заключает в себе ничего противного успехам сельского хозяйства. Пусть только не вводят никаких насильственных мер в применении к делу этого принципа: поселяне сами лучше всех знают, что для них полезно; они сами собою ввели уже в этот принцип понатребившиеся видоизменения и впоследствии сами введут другие видоизменения, какие понатребуются. Если в чем, то именно в этом деле надобно остерегаться принудительного вмешательства.

«Относительно владения землею видим мы в Европе владычествующими одновременно в разных странах три принципа. Они резко развились в трех державах, а в других государствах существуют в различных степенях взаимного ограничения и смешения.

* К счастью, опасения Гакстгаузена опровергнуты мудростью нашего правительства: тарифы 1850 и 1857 года постепенно приводят фабричную промышленность к тем нормальным отношениям к земледелию, которые нужны для процветания сельского хозяйства.

«В Англии властвует такой принцип: земля должна быть делима как можно менее и земледелию должно быть посвящено только то количество рук, какое совершенно необходимо. Только тогда можно сильно двигать вперед и сохранять в цветущем состоянии земледелие; потому вся эта страна возделывается большими, хотя не чрезмерно большими, хозяйствами. В них та выгода, что всем занятым при них рукам они дают работу в продолжение круглого года, и оттого нет потери в рабочем капитале человеческих сил. Только в больших хозяйствах могут с удобством и с выгодой вводиться и поддерживаться улучшения.

«Результат этой системы таков, что, говоря пропорционально, нигде не доведено земледелие до такой высокой степени совершенства, как в Англии; нигде нет пропорционально такого обширного скотоводства; нигде, следовательно, не производится столько навоза и не могут быть возводимы поля до такой высокой обработки, как в Англии. Зато не составляют между английским населением и десятой части те люди, которые имели бы, не говоря уже, свою землю, хотя бы свое жилище. Итак, девять десятых частей населения в Англии стали пролетариями. Кто станет отрицать опасности, которыми грозит такое отношение общественному положению Англии?

«Представительницею второго принципа служит Франция. Он развился и установился в ней только вследствие громадного переворота. Основное правило здесь таково: земледелие, подобно другим занятиям, отдается на личную волю отдельных людей, потому все земли должны быть доступны раздроблению: каждый может свободно покидать и продавать землю, другими словами: земля должна быть товаром; она должна, как разменная монета, переходить из рук в руки. Вследствие того земля разбилась на бесчисленные мелкие хозяйства. Считая в Англии около 400 000 земледельческих хозяйств, во Франции, пропорционально географической величине, должно бы быть около 1 400 000 таких хозяйств. Но в 1831 году их было не менее 10 404 121. Относительно результатов такой системы приведу я анекдот, рассказываемый английским путешественником Артуром Юнгом. Встретился ему во Франции на дороге поселянин, который нес четырех кур, и на вопрос, куда он идет? отвечал, что идет в город, лежащий за четыре лье (16 верст), чтобы продать своих кур. Юнг спрашивает далее, сколько он надеется получить за них; ответ: хорошо, если бы 24 су (30 коп. серебром); вопрос: а сколько платы получаешь ты в день, если наймешься работать? ответ: тоже 24 су. Вопрос: зачем же не остался ты лучше в своей деревне, где получил бы ты 24 су и сохранил бы у себя своих кур, стоящих 24 су, и мог бы сам съесть этих кур? Ответ: конечно, я получаю 24 су в день, когда найду работу, но я не нахожу работы: в нашем селе у каждого свой дом, свой сад, свой кусок земли; работы эти занимают у нас едва три месяца в году; другие дела у нас незначительны и потому нанимать работников никому не нужно. Этот анекдот дает нам понятие о состоянии Франции. Земледелие, раздробленное на слишком мелкие хозяйства, не представляет достаточных занятий на целый год, и потому значительная часть рабочих сил остается без употребления. Слишком мелочное раздробление не дает также средств для значительных и прочных улучшений: скота мало, следовательно, мало и удобрения, служащего основанием всех успехов земледелия; потому Артур Юнг очень справедливо замечает: во Франции хорошая почва возделывается превосходно, посредственная мало, а дурная вовсе не возделывается; потому, хотя Франция вообще имеет лучшую почву, чем Англия, но никак не может равняться с ней по развитию земледелия.

«По совершенству земледелия Англия стоит гораздо выше Франции, но Франция имеет гораздо меньше пролетариев.

«Германия занимает середину между Англией и Францией. В ней нет ни системы совершенной неподвижности и неделимости поземельной собственности, как в Англии, ни совершенной свободы в переходе из рук в руки и неограниченной делимости всего количества земель, как во Франции. Большие поместья в Германии почти все нераздробимы, отчасти по закону,

отчасти по обычаю. Состояние мелкой поземельной собственности в различных областях различно. В некоторых областях мелкие владения так же безгранично продаются и дробятся, как во Франции; в иных они дробятся только между членами общины; в других часть земель может быть дробима, а часть, при так называемых нераздельных крестьянских дворах, не подлежит разделу; а наконец, в некоторых, впрочем немногих, областях, вся поземельная собственность состоит из нераздробимых владений. Древние обычаи, различие законов в различных германских государствах, различие почвы, различие в характере возделывания, естественные и постепенно развивающиеся интересы породили это разнообразие, и в целом оно должно быть названо состоянием, благоприятным для страны. Сельское хозяйство не стоит во всей Германии на столь равномерно высокой степени, как в Англии, но все-таки гораздо выше, нежели во Франции. Пролетарии находятся только в городах, а в селах их немного.

«Представительницею третьего принципа служит Россия. Франция провозгласила тот принцип, что земля может делиться; Россия идет гораздо далее: она постоянно делит землю. Франция провозгласила принцип неограниченной конкуренции: она хочет считать землю товаром, который может быть каждым лицом приобретаем за деньги. Россия каждому из своих детей дает право пользования, дает участие в пользовании землею и притом в каждой общине всем детям ее совершенно равное. Во Франции земля просто частная собственность отдельного лица. В России земля — собственность нации и общины, служащей повторением нации в малом размере; отдельное лицо имеет только право на пользование, подобно всем другим лицам. Что при такой системе недостижима столь высокая степень обработки почвы, как в Англии или даже в Германии, с тем надобно согласиться. Но, напротив, та степень, которой достигла Франция, может быть, по нашему мнению, достижима для России; если будут устранены некоторые из (чуждых русскому общинному принципу) препятствий успехам земледелия; препятствия эти указаны нами в другом месте.

[«Когда мы сообразим (говорит Гакстаузен) эти общественные отношения поземельного владения в России, то заметим поразительную аналогию, представляемую этими действительными отношениями с теми мечтательными отношениями, которые придуманы новыми политическими сектами, особенно сен-симонистами и коммунистами, как высочайшее развитие человеческого рода. Строго ученые люди презируют идеи этих догматиков как грубые и поверхностные. Практические государственные люди называют их незрелыми фантазиями, которые неудобноисполнимы на деле и годятся только на то, чтобы соблазнить юные или ограниченные умы и возмущать массы, а потому должны быть считаемы опасными, и не заслуживают ничего иного, как только насильственного подавления.

«Мы не такого мнения (продолжает Гакстаузен). Появление этих идей решительно основывается на естественном развитии человеческого духа, на состоянии нашей образованности и на временном положении западноевропейских отношений. Эти идеи служат внешними признаками глубоко вкоренившейся в общественных отношениях болезни, но никак не составляют самой болезни. Отчего эти идеи приобрели в Западной Европе такую силу и власть над умами? Во-первых, оттого, что общественные отношения западноевропейских народов пришли в противоречие с образованием и господствующими мыслями и совершенно расшатались, а во-вторых, и потому, что в названных нами учениях сокрыты истины, которые необходимо должны восторжествовать: не лживые, не худые элементы, даже не те элементы, которые льстят чувственности и низким страстям, доставляют этим учениям столь многочисленных приверженцев, но те истинные и справедливые основания, которые сокрыты под жалкою и дурною оболочкою, очаровывают и увлекают людей. Дьявол никого не соблазнит в своем собственном отвратительном виде, но соблазняет тогда, когда облачается в одежду ангела света и проповедует истину, но выводит ее из живых посылок или выводит из нее живые следствия.

«Никогда не удастся осуществить мечты Сен-Симона, из которых произошли все позднейшие системы, понимаемые ныне под именами коммунизма и социализма, как-то: учение Фурье, Овена и проч. Не удастся осуществить этих систем, потому что основание их ложно. Но того нельзя сказать, чтобы, если отбросить их ложные основания, не осталось в этих системах ничего справедливого и возможного. Обыкновенно так говорят, что все содержание этих систем безумно и невозможно. Но мы должны указать на настоящий порядок общественных отношений в России в подтверждение нашего мнения, что при порядке дел, к какому стремятся эти системы, действительно может существовать прочное государство и притом государство даже монархическое.

«Учение Сен-Симона хочет уничтожения и отменения частной поземельной собственности и отменения наследства, по крайней мере, поземельного наследства. Оно требует, чтобы вместо того введено было только пожизненное пользование землею.

«В России такой порядок вещей действительно существует. В большинстве народа отдельный человек не имеет частной поземельной собственности, не имеет даже определенного и неизменного владения ею, а только временное пользование участком общей земли; следовательно, не существует и поземельного наследства. Но этот порядок вещей основывается на принципах, совершенно различных от оснований, придуманных сен-симонистами для их государства в новом вкусе, именно: в России этот порядок вещей основывается на началах совершенно национальных и согласных с основаниями монархии. Русский народ говорит: земля принадлежит богу, и Адам с своим потомством, то есть человеческий род, получил ее в пользование от бога. По мере своего размножения люди принимали во владение все больше и больше земных областей. Так досталась земля, называемая ныне Русью, прежде русского народа, и его потомки, оставаясь в единстве с своим родоначальником, иначе сказать, размножаясь в целый народ, составляющий одно целое, распространились по земле этой и взяли ее во владение. Итак, русская земля, по воле божией, стала собственностью русского народа, а распоряжение ею принадлежит, как в каждом семействе, отцу, родоначальнику, царю. А так как скитания каждого племени по всем областям скоро прекратились, то каждое племя и каждая община, сделавшись оседлою, получила в пользование известную область или местность. Теперь очевидно, что это основание не имеет ничего общего с теми принципами, на которых хотел построить свое здание Сен-Симон.

«Итак (заключает Гакстгаузен), мы видим, что Россия нисколько не может бояться тех революционных стремлений, которые ныне грозят Западной Европе; не должна бояться пауперизма, пролетариата и учений социализма и коммунизма, потому что с этой стороны Россия есть здоровый организм, не подверженный болезни.

«Не таково положение дел в остальной Европе. Пауперизм и пролетариат — это гнилые язвы, порожденные организмом новейших западных государств. Могут ли они быть исцелены? Коммунистические врачи предлагают совершенное разрушение и уничтожение существующего организма, говоря, что на пустом месте удобнее всего возвести будет новое здание. Но из смерти никогда не рождается жизнь! Верно одно только то, что если эти люди приобретут силу действовать, то начнется в Западной Европе не политическая, а социальная революция, война против всякой собственности, совершенная анархия. Образуются ли тогда в Западной Европе новые национальные государства и на каких нравственных и социальных основаниях? Кто поднимет завесу будущего?

«Какую роль возьмет на себя, при этих событиях, Россия? «Сижу у моря и жду погоды», — говорит русская пословица». (Гакстгаузен, т. I, стр. 124 и след.)

Сделаем теперь несколько замечаний о содержании представленного нами отрывка. Прежде всего очевидно, что Гакстгау-

зен нимало не скрывает от себя неудобств, существующих при общинном владении землею; очевидно, что разумнейшею системою издавна привык он считать систему наследственной поземельной собственности, среди которой он родился и воспитывался, которая срослась со всеми его понятиями; очевидно, что если отдает он преимущество русской системе общинного владения перед западноевропейским, то делает это [не по склонности к тому, что он называет коммунистическими бреднями, ему ненавистными, а единственно] вследствие того, что факты, найденные им в России, слишком ясно доказали ему, что общинное владение землею имеет свои выгоды, которых лишена система наследственной поземельной собственности, и что эти выгоды чрезвычайно важны. Он судья честный, но взявшийся за дело с предубеждением против общинного владения. Если его предубеждение побеждено ближайшим изучением дела, это, конечно, приносит большую честь его добросовестности, но с тем вместе доказывает и чрезвычайную силу тех фактов, которые представились ему при изучении нашего поземельного порядка. Видно, что преимущества этого порядка слишком велики, если ими рассеяны все соображения и сомнения, которые должен иметь против них человек, подобно Гакстгаузену, привыкший считать наследственную поземельную собственность необходимою. После этого общего сделаем несколько частных замечаний.

Прежде всего обратим внимание на слова Гакстгаузена, что порядок раздела земли в разных областях и разных общинах различен. Иначе и не должно быть при чрезвычайном разнообразии в положении различных наших областей. Никто из образованных людей в настоящее время не требует монотонного регламентирования: пусть в каждом месте люди живут и ведут свои дела так, как удобнее для того места. Важно только то, чтобы общий дух учреждений был одинаков во всех местах единоплеменного народа; да и это важно только потому, что самому народу такая общность духа родна и мила.

Единственным полезным изменением в порядке общинного владения Тенгоборский, как мы видели, признает постепенное уничтожение привычки составлять каждый участок из нескольких разбросанных клочков земли. Гакстгаузен говорит, что в некоторых местах сам народ уже ввел это улучшение и уравнивает неодинаковость почвы в разных полосах дачи тем, что объем участка увеличивается или уменьшается, смотря по качеству почвы.

Как мнение о том, что общинным владением предупреждается пролетариатство, так и приговор о том, что этим порядком затрудняются успехи сельского хозяйства, Тенгоборский занял у Гакстгаузена. Но он не заметил того важного обстоятельства, что выражение «таким порядком дел очень затрудняются

успехи сельского хозяйства» относится у Гакстгаузена только к одному из многих способов раздела общинной земли, именно к ежегодному переделу, или по крайней мере к переделу всей общины каждый раз, как только является новый домохозяин. «Очень затрудняется» — эти слова Гакстгаузена вовсе не относятся к другим усовершенствованным способам передела земель; именно, Гакстгаузен прямо противопоставляет ежегодному переделу, который считает очень затруднительным, передел на продолжительные сроки, передел по ревизиям, к которому у Гакстгаузена вовсе не относится эпитет «затруднительный» или «невыгодный», а напротив того, такой способ признается у Гакстгаузена удобным и выгодным. Вообще Гакстгаузен убедился, что «здравый, практический смысл» русского народа давно придумал меры к отстранению тех неудобств, какие могут представляться переделами земли при настоящем положении земледелия в России. К этому можно прибавить, что если во многих местах порядок раздела не соответствует еще требованиям рационального хозяйства, то, конечно, этот нерациональный порядок держится не по невозможности улучшить приложение принципа, а потому только, что на практике не сопровождается еще слишком чувствительными неудобствами; когда же эти неудобства сделаются чувствительными для поселян, то, конечно, у поселян достанет здравого смысла, чтобы ввести в свой обычай нужные видоизменения по примеру того, как они введены уже поселянами тех мест, где оказались нужными.

Как человек практический, Гакстгаузен справедливо замечает, что если бы общинное владение и действительно было по теории препятствием к приложению капиталов для возвышения земледельческого производства по примеру Западной Европы, то и без общинного владения такое приложение капиталов в действительности еще невозможно в России. Потому, говорит он, в России пока еще не существует тех выгод на стороне наследственной поземельной собственности, какие существуют в Западной Европе; он доказывает это сравнительным расчетом, обнаруживающим ничтожность действительной потери для русского хозяйства от перенесения этого хозяйства с одного участка на другой. Если бы кто-нибудь вздумал оспаривать расчет, сделанный Гакстгаузенем, как слишком низкий, то мы легко могли бы доказать такому недовольному, что пропорция потери, принимаемая Гакстгаузенем, не только не ниже, а напротив, выше действительных потерь при подобных переменах, как в расчете для западноевропейского хозяйства, так и в расчете для русского хозяйства. Если это может принести удовольствие «Экономическому указателю», мы готовы подробно сметою доказать, что Гакстгаузен преувеличивает потерю немецкого хозяина при перенесении хозяйства с одного участка на другой, и

готовы представить подобное же доказательство и относительно русского хозяйства.

Далее встречаем мы у Гакстгаузена мудрую и благотворную мысль, с которой совершенно согласен и Тенгоборский: кто хочет успехов нашему сельскому хозяйству, тот не должен желать никаких принудительных изменений в порядке общинного владения. Доверимся здравому смыслу наших поселян; они сами сумеют ввести в обычай раздела все те улучшения, какие окажутся нужными при дальнейших успехах нашего земледелия. Менее, нежели кто-нибудь, расположены мы считать непогрешительным кого-нибудь из живущих на земле вообще, или русского поселянина в особенности, но неприлично и несправедливо кажется нам доходить до другой крайности, в которую увлекаются очень многие между нами, так называемыми образованными людьми, и воображать, будто поселянин (русский или иностранный все равно) наделен здравым смыслом в меньшей степени, нежели мы. Почему знать, быть может, он способен так же, как и мы, понимать свои выгоды и довольно благоразумно вести свои житейские дела? Быть может, даже излишнее наше вмешательство в его дела приносит иногда ему больше вреда, нежели выгоды. Если уже мы так заботливы о его выгодах, то можем мы ограничиться только советами, как ограничиваемся этим средством в сношениях друг с другом. Захочет он послушать нашего совета — хорошо; не послушает — подумаем о том, хорош ли был наш совет. Для тех из читателей, которые следили постоянно за «Современником», нет надобности в этой оговорке, чтобы увериться в нашем образе мыслей о подобных предметах. Они знают очень хорошо, что доброе согласие со стороны человека, судьбу которого надобно улучшить, мы считаем необходимым условием для того, чтобы судьба его действительно улучшалась. Без доброй воли и добровольного согласия человека невозможно сделать ничего истинно полезного для него. Мы почли нужным упомянуть здесь об этом нашем убеждении только потому, что имели случай слышать от одного из наиболее уважаемых нами ученых сомнение относительно того, какими средствами считаем мы полезным поддерживать общинное владение, защитниками которого являемся. Если когда-нибудь было употреблено нами об этом предмете выражение, подававшее повод к какому-нибудь сомнению, мы нимало не постыдимся сказать, что это выражение не точно или ошибочно передавало нашу мысль, и если нужно, готовы взять его назад. Менее, нежели кто-нибудь, мы расположены сочувствовать таким теориям, которые не ставят всей надежды своей на успех единственно в разумном и совершенно добровольном предварительном убеждении тех людей, польза которых имеется в виду. [Альфа и омега наших стремлений — всевозможный простор для развития личности].

Но возвращаемся к рассмотрению отрывка, приведенного нами из книги Гакстгаузена. Сравнивая Германию, в различных областях которой существуют разнообразные порядки относительно владения землею, с Англией, в которой господствует исключительный принцип неприкосновенности наследственного нераздробимого владения, и Франциею, в которой господствует также исключительный принцип неограниченной перепродажи и раздробления земли, Гакстгаузен находит, что разнообразие, существующее в Германии, выгоднее для национального благосостояния, нежели исключительность французской и английской систем. Мы прибавим, что когда без нарушения различных порядков владения землею устраняются препятствия, мешающие ныне успехам нашего земледелия и не имеющие ни малейшей связи с принципами общинного владения землею или частной поземельной собственности, то положение России будет еще разнообразнее, нежели положение Германии.

[Огромная масса земель будет тогда в частной собственности, будет подлежать продаже и покупке по закону конкуренции, и, таким образом, для людей особенно предприимчивых и оборотливых повсюду будет открыто неизмеримое поприще к приобретению наследственной и полновластной собственности. Приобретать ее будет удобно для каждого предприимчивого земледельца, в какой бы местности ни жил он, потому что большие и малые участки, находящиеся во владении отдельных лиц по праву полной собственности, разбросаны по всему пространству Европейской России, доступному земледельческой обработке. Но эти участки рассеяны подобно островам, и мелким, и огромным, среди еще огромнейшей массы земли, находящейся в государственной собственности и в общинном владении. Эта масса будет служить, как ныне служит, вечным капиталом на удовлетворение неотъемлемого права на поземельный участок для каждого гражданина русской земли. Таким образом общее благосостояние массы, основанное на общинном владении, будет совмещаться с полным простором для отдельных людей до безграничности увеличивать свою поземельную собственность приобретением участков, находящихся в частной собственности и подлежащих законам продажи и покупки.]

Гакстгаузен, при своем обозрении результатов, производимых английским, французским и русским принципами поземельного владения, упускает из виду это огромное количество земель, состоящих у нас не в государственной собственности и не в общинном владении, а в полной собственности отдельных лиц. Если б он не забыл о них, то, конечно, он сказал бы, что для России при сохранении общинного владения в настоящих его пределах возможно достигнуть (насколько то позволяется климатом) совершеннейшей обработки земли, какая только допускается принципом частной собственности. Пример частных собствен-

ников, когда они будут в состоянии выгодным образом затрачивать капиталы на улучшение своих земель, конечно, выведет на дорогу искусственного улучшения земли и сельские общины, лишь только эта дорога сделается выгодною.

Далее Гакстгаузен начинает рассуждать о сен-симонизме и так называемых коммунистических системах. Собственно говоря, нам не было бы никакого дела до этих систем и до мнений Гакстгаузена о их значении для Западной Европы, если бы чувство самолюбия (конечно, нимало не похвальное) не побуждало нас заметить «Экономическому указателю», что Гакстгаузен при этих рассуждениях делает ту же самую ошибку, к которой обнаруживается склонность и в «Экономическом указателе». Именно: Гакстгаузен воображает, будто бы в 1847 году, когда была издана его книга, вопрос о сен-симонизме и тому подобных мечтах все еще оставался современным вопросом и будто бы еще находились тогда серьезные люди, державшиеся системы Сен-Симона. Добряк не замечал, что времена этой системы, действительно мечтательной и неосуществимой, прошли задолго до 1847 года и что в этом году разве какая-нибудь невинная старая девушка держалась во Франции системы Сен-Симона. Эта ошибка со стороны Гакстгаузена довольно груба; но еще страннее, что в 1857 году, то есть десятью годами позднее Гакстгаузена, «Экономический указатель» все еще воображает видеть перед собою каких-то утопистов. Смеем уверить его, что такие опасения столь же приличны нашему веку, как, например, споры против какого-нибудь Вольтера: люди, подобные Вольтеру и Сен-Симону, давным-давно сошли с исторического поприща, и беспокоиться о них совершенно напрасно. Если память нас не обманывает, знаменитый Бастиа, служащий авторитетом для «Экономического указателя», спорил против людей, которые гораздо удачнее его смеялись над сен-симонистскими мечтаниями и которые, каковы бы ни были их недостатки, уже ни в каком случае не могут быть названы мечтателями. Положительный и холодный расчет не имеет ничего общего с поэтическими грезами.

Мы не привели из Гакстгаузена эпизода, относящегося к сен-симонистам. Гакстгаузен, по сердечной простоте, перепутывает вопрос о пролетариате с сен-симонистскою системою, но мы предупреждаем читателей, что в наше время говорить о сен-симонизме то же самое, что говорить о какой-нибудь системе физиократов или меркантилистов; все это дела давно минувших дней, дела «времен очаковских и покоренья Крыма».

Как человек, не слишком-то близко знакомый с характером современных ему стремлений, Гакстгаузен воображал, что люди, в 1847 году грозившие переворотом Западной Европе, держались мнений Сен-Симона. Это заблуждение доказывает завидную невинность его души. Но, как человек практический, он очень верно предугадывал в 1847 году близость страшного взрыва со сто-

роны пролетариев Западной Европы; и нельзя не согласиться с ним, что благодетелен принцип общинного владения, который ограждает нас от страшной язвы пролетариата в сельском населении.

Кончив наши замечания относительно общего свода сведений, представляемых Гакстгаузенем о нашем общинном владении, мы перейдем к другим местам его книги, поясняющим ту или другую подробность в этом общем обзоре.

В каждом селе, через которое проезжал Гакстгаузен, расспрашивал он о порядке, по какому крестьяне этого села делят между собою участки, и все его сочинение наполнено этого рода сведениями. Мы приведем некоторые из них, чтобы ближе познакомиться с тем, какие порядки должны назваться господствующими в великорусских областях и какие отступления встречаются в различных местностях. Прежде всего приведем мы отрывок, объясняющий, при каких обстоятельствах встречается то наделение излишнею землею зажиточных поселян, которое упоминается у Тенгоборского, будто бы нормальный факт.

«Вечером 17 мая приехали мы в местечко Великое Село, имеющее полторы тысячи ревизских душ или три тысячи жителей обоего пола. Село принадлежит семи помещицам сестрам, которые сами не живут в нем и берут с своих крестьян оброк; но наложен ими этот оброк не на отдельные тягла, а общемо суммою на целое село. Об общественном устройстве и разделе земли узнали мы следующее: часть жителей приобрела посредством хлопчатобумажной фабрикации значительное состояние и ведет значительные торговые обороты, другая часть занимается земледелием, а некоторые ремеслами. При назначении оброка было обращено внимание на эти торговые и фабричные дела и потому наложен был оброк более высокий, нежели какой могло бы платить чисто земледельческое село. Если бы по обыкновенному способу требовалась равная плата с каждого работника, то бедным было бы чрезвычайно тяжело, между тем как богатые пропорционально платили бы мало. Сами помещицы не жили в селе, и потому им было трудно наложить на каждого оброк по его состоянию; потому они предпочли наложить круглую сумму на целую общину и предоставили самой общине разложение оброка по семействам. Община поступает вследствие того очень оригинальным образом. Она разложила всю сумму оброка на землю, раздает членам своим эту землю по неравным участкам и заставляет более зажиточных людей брать более земли, нежели им нужно и нежели пришлось бы им при равном дележе. Дело в том, что на каждый участок приходится более оброка, нежели приносит выгоды обрабатывание этого участка. Те жители, которые не занимаются хлебопашеством, конечно, ничего не могут сами делать с своей землей и отдают ее настоящим земледельцам за незначительную плату, которая далеко не равняется взноsimому за землю оброку. Мы повсюду видим власть русской общины и повиновение, встречаемое ею у своих членов, и будем иметь еще много случаев познакомиться с этою особенностью русских сел.» (Том I, стр. 112 и след.)

В другом месте (именно, около города Вологды) Гакстгаузен заметил совершенное нарушение общинного принципа по каким-то местным обстоятельствам, оставшимся для него неизвестными:

«Проезжая мимо полей нескольких маленьких деревушек, заметил я, чего никогда не видал на полях больших деревень, именно: что после каждых пяти или восьми полос идет не вспаханная полоса шириною четверти в три, служащая разделом между маленькими загонами. Когда я спросил о том, то услышал, что в этих очень маленьких деревнях не существует ежегодный или временный раздел полей по общему обычаю, но что поле раз навсегда разделено и предоставлено каждому дому; и вот между этими-то вечными участками и проходят отдельные полосы. Это почти единственное встреченное мною исключение из обычного в русском народе дележа полей, и, вероятно, оно основано на каких-нибудь непреодолимых причинах».

(I, 240.)

В некоторых местностях лесных северных губерний Гакстгаузен встретил другой пример образования частной поземельной собственности между поселянами:

«В Никольском уезде, который проехали мы во всю длину, господствует обычай, о котором я не слыхал нигде в других местах и на котором основывается род поземельной собственности или по крайней мере наследственное пользование землею. Общинам государственных крестьян уступлены в пользование большие леса, которые по своей обширности далеко превышают их надобность в строевом материале и в топливе. Теперь, если какой-нибудь поселянин вздумает поселиться в этих пустынных лесах, он просит на то позволения у общины. Она никогда не отказывает ему в таком разрешении. Но, конечно, заселение производится не там, где надобно бы сжечь для того строевой или вообще хороший лес, а на таких местах, где лес или уже вырублен, или мелок. Выжегши себе участок для поселения, поселянин получает наследственное право пользоваться этим участком, и община всегда уважает это право».

(I, 262.)

Но вообще такие случаи отступления от коренного принципа, порождаемые исключительными местными обстоятельствами, очень редки, по замечанию Гакстгаузена, так что могут назваться совершенно ничтожными в общей массе селений, следующих общинному принципу. Каждый раз, как случается ученому наблюдателю упоминать о порядке дележа общинной земли, он замечает, что раздел этот всегда производится совершенно удовлетворительным для всех образом и никогда не подает причин к раздорам; в пример представим следующий отрывок, подобных которому можно набрать десятки в его книге.

«Удельное сельцо Дьяконское состоит из девяти дворов, или семей с 24 душами мужского пола. Оно имеет 59 десятин пахотных полей, 11 десятин сенокоса и 2 десятины выгона. При каждом доме есть сад, не входящий в переделы, а передел земли производится при каждой ревизии, в случаях же большой прибыли или убыли числа душ, и раньше. Они это дело улаживают промежду собою; а если бы случилось несогласие, чего, впрочем, еще не бывало на людской памяти, то спор перешел бы на решение головы».

(I, 303.)

Наклонность жителей одного села оставлять в одном общинном владении все земли, принадлежащие этому селу, так сильна, что даже тогда, когда сами они уже разделены по различным ве-

домствам, они оставляют, если только то позволяется им, свои земли в одной общей даче, не размежевывая их по различию своих ведомств и своих податей, и пользуются равными участками даже при неравенстве в податях:

«Вторая станция от Николаева было Березово, большое село, состоящее из удельных крестьян вместе с государственными. Первых было в селе 423 души, последних 640 душ. Такое соединение часто находится в здешних местах, и мы встречали его в большей части деревень до самого Саратова. Тут государственные и удельные крестьяне имеют не две различные дачи, а образуют одну общину и делят землю по русскому обычаю по душам или, как выразился в этом селе старик, которого мы расспрашивали, по жеребьям из одной шапки. А надобно заметить, что их подати не одинаковы. Удельные крестьяне платят 29 руб. 20 коп. ассигн[ациями], а государственные только 16 руб. 48 коп.

«Кучум, куда мы приехали 29 июня, также село, состоящее вместе из удельных и государственных крестьян. Удельных считается 235, а государственных 121 душа. Те и другие не имеют двух различных дач, но образуют одну общину». (II, 30.)

У Тенгоборского мы уже видели заимствованный из Гакстауэна пример того, как любовь к равным участкам для всех членов общины берет верх даже над совершенною неравномерностью взносов, сделанных различными семьями для общинного дела. Вот другой пример в том же роде:

«В следующем селе (в Заволжском крае) нашли мы снова поразительное свидетельство силы русского общинного устройства. Сельцо это, по имени Маянье, принадлежало прежде князю Вяземскому, который переселил сюда крестьян своих из Рязанской губернии в начале нынешнего века. За неуплату долга в Заемный банк сельцо это назначено было в продажу, и на аукционе крестьяне откупились за 129 000 рублей ассигн[ациями], но вместо того чтобы навсегда разделить между собою землю в частную собственность по пропорции частей, внесенных на выкуп, поселяне остались при русском общинном дележе земли по душам и отчасти внесли, отчасти продолжают вносить причитающиеся на каждого выкупные деньги по душам. Я нашел здесь еще одну особенность, до сих пор не встречавшуюся мне. Поселяне эти делят ежегодно между собою паровое поле, так что у каждого остается один и тот же участок только в течение двух лет. От такого порядка не далеко был бы уже переход и к первобытному славянскому дележу, когда каждый год делится на поле жатва — обычай, еще существующий в некоторых общинах Сербии и Боснии. Когда в 1827 году откупилось это сельцо, в нем было 287 душ, теперь число их увеличилось до 350 душ. Как запутались бы чрез то права на собственность и степень участия в платеже выкупных денег, если бы приложить сюда наши юридические понятия!» (II, 33.)

Это село лежит в черноземной полосе, где нет удобрения, поэтому и трехлетний срок передела не представляет неудобств. Так, рязанцы бросили свои рязанские продолжительные сроки передела, когда переселились на такую землю, где возможны более частые переделы, — любовь к более точному выполнению общинного принципа при первой возможности взяла верх над старою привычкой, несколько ограничивавшей быстроту в вос-

становлении уравнительности. Такова натура русского поселянина.

Впрочем, мы совершенно ошиблись бы, если бы вздумали считать наклонность к общинному уравнительному владению в наших поселянах какою-нибудь таинственною чертою исключительной национальной организации славянского вообще или, в частности, великорусского племени. Дело просто в том, что сохранение уравнительного права на общинный участок чрезвычайно выгодно для общего благосостояния крестьян. Поселяне, чуждые русскому племени, когда видят вокруг себя русских поселян, мало-помалу убеждаются в преимуществах общинного владения и принимают его. В отрывке, представленном нами из Тенгоборского, читатель видел, что немецкие колонисты в Саратовской губернии ввели у себя общинное владение, убедившись в том, что оно для благосостояния целой общины выгоднее, нежели принесенный этими колонистами из Германии закон частной поземельной собственности. К сведениям, сообщенным у Тенгоборского, мы прибавим, что Гакстгаузен прямо указывает причину, заставившую немецких колонистов предпочесть наш порядок своему: при наследственной собственности и при праве продавать землю очень многие из них скоро увидели себя обедневшими, и тогда все колонисты, опасаясь каждый для себя или для своих детей подобной же участи, приняли русский обычай, и этот обычай восстановил в немецких колониях цветущее благосостояние. Далее мы увидим, что тот же обычай с теми же счастливыми результатами был принят меннонитами в Новороссийском крае. В нескольких татарских селах Гакстгаузен слышал то же самое. Татары, подобно немцам, усваивают себе русский порядок как выгоднейший для сохранения общего благосостояния. В некоторых селах они пользуются некоторою частью своей земли в виде участка общинной собственности по вновь принятому ими русскому обычаю, а другую часть как полную частную собственностью по своему прежнему обычаю. Вот пример:

«8 июля прибыли мы в большое татарское село Муссалин, имеющее 728 душ. При Петре Великом их предкам, в числе 55 взрослых мужчин, была отведена земля в наследственную собственность и наследственно передавалась от отца к сыновьям. Потому и неравенство между владениями отдельных поселян чрезвычайно велико. Но кроме этих наследств, владеет деревня еще 1500 десятин, которые делятся по русскому правилу по душам, так что приходится около 2 десятин на душу. Эта земля досталась им следующим образом: рядом с их наследственными землями лежали поместья нескольких татарских мурз, населенные русскими крепостными крестьянами. Когда издан был указ о том, что нехристиане не могут владеть крепостными людьми христианской веры, то эти мурзы, не захотев принять христианство, должны были лишиться своих крепостных людей. По западноевропейским понятиям можно было бы подумать, что мурзы, отпустив своих крестьян, будут сами обрабатывать свои земли, нанимая работников или поселив татар. Но тут сказалась сила идеи, общей всем крепостным крестьянам в России: я принадлежу барину, а земля принадлежит мне. Крестьяне остались на земле, а

мурзы должны были вместе с крестьянами оставить и землю. Через семь лет эти крестьяне были подарены Екатериною II генералу Шепелеву, который переселил их на другие места, а сам захватывал пастбища, принадлежавшие соседним татарам. Татары начали с ним процесс, успели оттягать у него 1500 десятин и решили владеть этою землею по русскому общинному праву, то есть делить ее по душам». (II, 68.)

Кому угодно знать, каковы бывают для поселян последствия, когда земля поступает к ним в полную частную собственность, тот может видеть это между прочим из следующего примера:

«Рано утром 17 июля прибыли мы в село Черемушное, которое ныне населено большею частью однодворцами. Однодворцев этих считается 211 душ в 40 дворах. Сохранилось у них предание, что предки их, лет сто или двести тому назад, переселились сюда из Рязанской губернии в совершенно пустую страну и отведенную им землю получили в полную собственность. Тогда было их 27 семей, и землю разделили они между собою навечно так, что каждой семье пришлось по 60 десятин. Итак, они не приняли русского общинного принципа; натурально, очень скоро появилось неравенство во владении, значительная часть земли перешла в чужие руки отчасти продажею, отчасти за долги, так что ныне из первоначальных 1620 десятин владеют они только 540 десятинами. Остальная земля перешла в руки соседних помещиков». (II, 115.)

Некоторые воображают, будто бы введение многопольного хозяйства задерживается в России не тем, что многопольное хозяйство у нас до сих пор убыточно по обстоятельствам, не имеющим никакого отношения к общинному или частному владению, а именно будто бы тем, что у нас существует обычай общинного владения. Из следующего примера могут эти люди убедиться, что при общинном владении можно завести хозяйство на сколько угодно полей, лишь бы только по местным обстоятельствам какая-нибудь многопольная система оказалась выгоднее, нежели трехпольная. «Экономический указатель» из этого примера убедится, как напрасны те сомнения, по которым он воображает от простоты души, будто бы при общинном владении невозможно ввести таких усовершенствований, как при частной поземельной собственности; он увидит, что при общинном владении возможно не только сохранение, но даже разведение лесов; возможно также и искусственное луговоеводство.

«Земледелие у меннонитских колонистов устроено следующим образом: земля, купленная отдельными колонистами частным образом, остается в совершенно полном распоряжении у этих отдельных лиц. Общее количество этой частной собственности составляет 48 446 десятин. Напротив того, отведенная правительством земля, в количестве 65 десятин на двор, всего 68 052 десятины, находится в общинном распоряжении и подлежит общинному порядку. С 1838 года правильно устроилось и установилось у колонистов существовавшее уже и прежде четырехпольное хозяйство. Из 65 десятин 25 обращены на хлебопашество, и эта часть разделяется так: три поля засеиваются хлебом, одно поле остается под паром, только шестая часть этого парового поля засеивается картофелем. Луга или покосы в различных деревнях различны по величине и потому на каждый двор приходится их от 6 до 10 десятин. Относительно покосов на долю каждого хозяина предо-

ставлено: пользоваться ли ими как лугами, или как своими частными пастбищами, или пахать их. Остальная часть территории служит общим пастбищем для каждой деревни, причем определено число скота, которое каждый хозяин может выгонять на это общинное пастбище.

«В пользовании землею господствует у этих меннонистов большое благоразумие и обдуманность. Они не придерживаются устарелой рутины, но по внимательному испытанию вводят всевозможные улучшения. Когда они прибыли сюда, назад тому 40 лет, во всей стране не нашли они ни одного дерева и вместо топлива должны были употреблять солому, камыш, бурьян и кизяк; в настоящее время посаженный и выращенный ими лес доставляет им уже часть топлива.

«Они начали даже заводить искусственные луга посредством орошения, — единственные искусственные луга, какие видел я в России, — в России, которая, по моему твердому убеждению, может сделать искусственное луговодством единственный важный шаг вперед, к какому способно ее настоящее сельское хозяйство. Я называю искусственное луговодство единственным важным для России улучшением потому, что только оно принесет русскому хозяйству не убыток, а выгоду». (II, 190.)

Итак, Гакстаузен, обозревший сотни помещичьих хозяйств, заведенных по праву полной частной собственности, единственный случай серьезного улучшения хозяйства в России встретил в поселениях, пользующихся землями по принципу общинного владения.

У нас многие воображают, что хозяйство на западноевропейский манер будет возможно в России тотчас, лишь бы только уничтожилось общинное владение. Гакстаузен положительным расчетом разрушает эту мечту. Расчет сделан для Ярославской губернии, но его легко применить и ко всякой другой губернии, сообразив период от запашки ярового до запашки озимого хлеба, — он применяется совершенно к целой половине великорусской земли, и с небольшим изменением к большей части из остальной половины: едва ли шестая часть земли, населенной русским племенем, пользуется семью месяцами полевых работ.

«Почва этой губернии (Ярославской) недостаточно плодородна, урожай считают вообще сам-3. Конечно, естественное неплодородие могло бы быть совершенно исправлено увеличением удобрения и обращением усиленной помощи к обработке земли, но ничего такого здесь не делается. Пример нескольких помещиков, подобных г. Карновичу, находит мало подражателей между помещиками, а между поселянами почти вовсе не находит. Причина тому, как мы уже говорили, очевидна. Промышленность и торговля дают здесь достаточное вознаграждение, а земледелие не приносит достаточных процентов на затраченные для него капиталы. Впрочем, вообще нельзя судить о здешних отношениях по тому масштабу, к которому мы привыкли в землях, лежащих далее на юг и на запад, во Франции, Англии и средней Германии.

«В здешних северных местах земледелие требует гораздо большей траты человеческих и животных рабочих сил и потому приносит менее чистого дохода, нежели в странах Западной Европы. Важнейшая часть земледелия — запашка и уборка хлебного поля — в Западной Европе распределяется на период времени, гораздо более значительный; следовательно, обходится значительно дешевле, нежели здесь. Эти работы, например, около Орлеана, около Майнца, при Дунае, разделяются на семь месяцев, между тем как здесь, по причине короткости лета, должны быть исполнены только в четыре месяца. Итак, то, что я могу там сделать на поле равной величины и равного

плодородия работою четырех человек и четырех лошадей, на то мне нужно здесь семь человек и семь лошадей. Если бы я имел около Майнца поместье в 1000 моргенов запашки и лугов, то для обработки его мне понадобилось бы четыре пары лошадей, восемь работников и шесть работниц, кроме того, понадобилось бы еще принанять временных рабочих на полторы тысячи дней. Наем и содержание всех этих людей и рабочего скота стоили бы мне около 3500 талеров. Поместье приносило бы мне валового дохода около 8500 талеров, и за вычетом расходов оставалось бы мне чистого дохода около 5000 талеров. Но если бы поместье такой же величины и с землею такого же качества лежало на север от Волги, то, предполагая даже равенство в ценности сельскохозяйственных продуктов и во всех других условиях, уже только по причине климата понадобилось бы мне для обработки этого поместья семь пар лошадей, четырнадцать работников, десять работниц и 2100 дней работы временных наемщиков, и потому чистый доход простирался бы вместо 5000 талеров только до 2600 талеров. Конечно, если бы на ту пору, когда нет полевых работ, мне удавалось бы освобождаться от рабочего скота и содержания работников, то издержки уравнились бы, оттого что все равно, содержать ли четыре пары лошадей в течение семи месяцев или семь пар лошадей в течение четырех месяцев. Потому, если бы можно было продавать рабочий скот и отпускать работников близ Майнца на пять месяцев, а близ Ярославля на восемь месяцев, то доход в обеих местностях был бы одинаков. Но это очень трудно и для одного какого-нибудь хозяйства, а для сельскохозяйственных отношений целой страны решительно невозможно. А при этой невозможности условия майнцского поместья оказываются несравненно выгоднейшими, нежели ярославского поместья. На одном и том же пространстве земли, майнцское поместье в течение зимы должно прокормить только $\frac{4}{7}$ того числа работников и скота, какое должно прокормить ярославское поместье; майнцское поместье должно кормить их только пять месяцев, а ярославское восемь. Но кроме того майнцское поместье может во время зимы занять их несравненно большим количеством разных полезных для хозяйства и, следовательно, в результате доходных работ, нежели ярославское. Зима около Майнца не так сурова, не так постоянна, чтобы покрывать землю непроницаемым замерзлым слоем и снегом. Прокармливаемых работников и скот можно употреблять на всяческие работы: они будут возить навоз, мергель, извезти на поля для удобрения, кроме того, что привозят дрова и лес на целый год и отвозят на рынок продукты; в те дни, когда земля не мерзнет, они будут заниматься различными полевыми работами: проводить каналы, орошать луга. Словом сказать, все пять зимних месяцев люди и скот будут заняты сельскохозяйственными работами, и окажется, что разве только две лошади и один работник могли бы быть отпущены из хозяйства. Но и того не окажется нужным. В стране очень населенной они всегда найдут себе работу, так что, строго говоря, хозяйство поместья, находящегося около Майнца, зимою не терпит никакой потери от недостатка занятия; совершенно иначе оказывается это отношение для ярославского поместья; тут на целую зиму не находится никакого сельскохозяйственного занятия, кроме езды за дровами и отвоза продуктов на рынок, а эти работы можно бы исполнить все одною парною лошадью и одним работником. Итак, зима продолжается целых восемь месяцев, и я даром кормлю почти вдвое большее число рабочих и скота. Если мы примем еще в расчет сравнительно низкие цены сельскохозяйственных продуктов, отдаленность рынков, малую населенность страны, и потому высокую насмной платы, наконец то, что французские и немецкие лошади гораздо сильнее и переносливее в работе, также, что русских работников нельзя сравнить с немецкими, то очевидно будет, что всеми этими невыгодными условиями будет поглощена наибольшая часть даже и того чистого дохода, который вычислен выше. А притом мы еще принимали, что ярославское поместье имеет столь же плодородную землю, как майнцские равнины; но майнцские равнины родят хлеб сам-6 и сам-7, а ярославская земля дает едва сам-3.

«Из этого воображаемого расчета очень ясно можно видеть, что если бы кому-нибудь предлагали в Ярославле поместье под тем условием, чтобы он завел там хозяйство в таком же виде и по такому же порядку, как в Западной Европе, то он должен был бы, поблагодарив за такое предложение, решительно отказаться от него: он не получил бы от такого хозяйства не только никакой выгоды, никакого чистого дохода, но и оставался бы каждый год в значительном убытке». (1, 173.)

Итак, вовсе не общинное владение служит препятствием к заведению в России таких хозяйств, какие существуют в Западной Европе; причина тут совершенно другая. Сельское хозяйство доставляет в России слишком мало чистого дохода. Впрочем, мы вовсе не думаем, чтобы Гакстгаузен имел основание делать из приведенного нами расчета тот вывод, какой он делает на следующих страницах, — будто бы в Ярославской губернии невозможно хозяйство с наемными работниками. Нам кажется, что Тенгоборский совершенно напрасно принимает это мнение Гакстгаузена, который сам опровергает себя в одной из следующих глав, представляя примеры успешного хозяйства, основанного на найме работников, в климате гораздо более суровом, нежели в Ярославской губернии:

«В деревне Ворониной (говорит Гакстгаузен) должны мы были остановиться на несколько часов для починки экипажа. Нас попросил к себе богатый из тамошних жителей, Григорий Квашнин: он был человек умный и охотно давал нам подробные ответы на наши вопросы. В даче этой деревни часть земли принадлежит общине, или вернее сказать, государству; и по русскому обычаю она делится по числу душ в семье между членами общины. Другая гораздо большая часть земли, лежащая, впрочем, разбросанными участками между общинною землею, была издавна в наследственной собственности, то есть принадлежала первоначально дворянам и горожанам соседних городов, и хозяева раздавали ее жителям деревни на правах половников. Дед нашего хозяина обрабатывал большую часть этой земли как половник и разбогател тем. Он переехал в Устюг, вписался там в купцы и приобрел тем право владеть наследственно землею. Воспользовавшись этим правом, он в 1811 году купил ту землю, которую обрабатывал как половник, и после него перешла она по наследству к его детям, а от них ко внучатам. Наш хозяин имел в своей собственности восьмую часть всей этой земли и, кроме того, брал внаймы еще некоторые участки. Теперь он мог бы выйти из своей общины и был бы тогда, как говорится у нас в Западной Европе, независимым, самостоятельным владельцем. Но в России каждый, кто не дворянин, или, лучше сказать, кто не чиновник и не духовный, должен принадлежать к какой-нибудь общине, иначе он не имеет прочного положения в обществе. Потому наш хозяин остался членом своей общины, делая для того даже немаловажные пожертвования. Почему так, мы не могли понять, он не хотел объясниться; но довольно того, что он взял на себя платеж оброка за восемь душ и, стало быть, имел бы право требовать от общины восемь подушных участков; но от них он отказался и обрабатывал только свою наследственную землю. У него большое хозяйство. Обрабатываемая им наследственная земля равняется третьей части всей общинной земли. У него восемь наемных работников, из которых четыре остаются на целый год, а другие четыре только на лето, получая, кроме пищи, пятьдесят рублей ассигнациями и одежду. А годовые работники получают, кроме пищи, семьдесят пять рублей ассигнациями. Эти цены немногим выше, нежели у нас в Вестфалии. Это хозяйство было мне очень интересно, потому что в нем встре-

тился мне первый пример хлебопашества, производимого наемными работниками. Притом хозяин не был какой-нибудь агроном, а просто умный мужик. Надобно еще сказать, что с таким порядком в хозяйстве был он не единственным исключением, а напротив, существовало в тех местах много хозяйств, устроенных на том же основании, как у него, и вообще они, как меня уверяли, находились в таком же цветущем положении, как и хозяйство, нами осмотренное». (I, 260.)

Если может приносить выгоду в Вологодской губернии возделывание земли посредством наемных работников, то еще гораздо возможнее должно быть оно в провинциях, лежащих на юг от Вологды, как, например, в Ярославле. Гакстгаузен, очевидно, увлекся своею темою и преувеличил затруднительность хозяйства наемными силами в нашем климате. Впрочем, то не подлежит сомнению, что наша продолжительная зима оставляет слишком много праздного времени в году поселянина, который занимался бы исключительно только земледельческими работами; но вывод из этого должен быть вовсе не таков, как делает Гакстгаузен, вовсе не признание неизбежности того отношения, в каком ныне находятся работники к землевладельцу, — этим отношением только бесплодно уменьшается рабочая сила. Напротив, есть очень легкий выход из климатического неудобства, которое кажется столь ужасным Гакстгаузену; наши поселяне давно нашли этот выход, употребляя зиму на какие-нибудь другие занятия и промыслы, кроме земледельческих работ. Краткость лета и продолжительность зимы служат причиною, что в нашем климате одно и то же семейство должно быть и земледельцем, и промышленным. Летом, когда земледельческие работы требуют как можно больше рук, каждый член общины становится земледельцем; зимой, когда сельское хозяйство не доставляет никакой работы, каждый поселянин может иметь домашнее занятие в каком-нибудь ремесле или вообще промышленном производстве. Таким образом постоянно все руки будут заняты, и зима будет временем, столь же производительным, как и лето. Несмотря на все несовершенства нашего экономического быта, в нем уже замечен этот порядок соединения работ, свойственный нашему климату и отвращающий невзгоды, наносимые нам продолжительностью нашей зимы. Вещь известная, что у нас очень сильна в народе склонность соединять в селе земледельческие занятия с каким-нибудь ремеслом или промыслом. Мы не будем останавливаться на этом факте, слишком хорошо знакомом каждому читателю, — вероятно, даже и «Экономическому указателю». Заметим только, что в сельских промыслах обнаруживается чрезвычайно сильная склонность нашего народа к общинному производству: у нас есть целые деревни ткачей, колесников, гончаров, швецов, кузнецов и т. д. Этот предмет чужд цели нашей статьи, потому, не останавливаясь на нем, из множества мест, относящихся к нему у Гакстгаузена, мы приведем только одно:

«В Западной Европе (говорит Гакстаузен) есть обычай у поселян оставлять на время родину и уходить в другие области большею частью для какого-нибудь известного определенного ремесла; так, например, андалузцы приходят быть водоносами в Мадриде, так, овернцы и савояры приходят в Париж. Но все они занимаются в таких случаях какими-нибудь исключительными ремеслами, не свойственными другим областям. Притом же и число таких людей не велико. Но чтобы люди, занимающиеся самыми обыкновенными, повсюду обычными промыслами, как, например, плотники, каменщики, портные, толпами отправлялись странствовать, этого не случается в Западной Европе».

«Странствующий русский промышленник даже вовсе не ограничивается в своих средствах снискивать хлеб одним каким-нибудь промыслом, он знает все промыслы, по крайней мере много промыслов, пробует тот, другой, третий и останавливается, наконец, на том, который обещает ему больше удачи. В Западной Европе встречаются отдельные люди, которые, как говорится, пускаются бродить по свету, отыскивая своего счастья. Но в Западной Европе такие люди составляют редкое исключение, а в некоторых областях России такой образ жизни составляет общее правило. Более нежели восьмая часть населения Ярославской губернии странствует подобным образом по всем дорогам государства. Несколько лет тому назад таких людей считалось в Ярославской губернии от 120 до 130 000. Многие из них, конечно, возвращаются через несколько месяцев или через год побывать на родине, но многие остаются на чужой стороне по несколько лет и даже на всю жизнь, хотя и продолжают числиться в своих общинах. К последнему классу принадлежат, наверное, более 50 000 человек в Ярославской губернии».

«Эти странствующие люди, когда занимаются известным ремеслом, например, плотничеством или каменной работой, собираясь в больших городах, образуют ремесленные артели. Способнейшие из них принимаются за подряды по своему делу. Если, например, в Петербурге нужно мне построить дом, хотя бы очень большой, то я ищу себе подрядчика, показываю ему свои планы, торгуюсь с ним, наконец, он берет на себя постройку за известную сумму. Потом он идет к своим товарищам, объясняет им дело и уговаривается с ними об участии в выгодах. Потом он отправляется один, если подряд не слишком велик, или с несколькими товарищами на родину и ищет там нужных ему денег, потому что часть договорной платы получает он от строителя дома только по исполнении части работ. Его земляки на родине, также участвующие в выгодах его предприятия, удивительно скоро собирают для него деньги. Все это делается на слово, и не слышно, или по крайней мере очень редко слышно об обманах в подобных случаях. Русских упрекают за недобросовестность в торговых и промышленных делах; но надобно сказать, что есть известные дела и случаи, в которых они никогда не обманывают и соблюдают честность самым строжайшим образом. Подрядчики есть и в Западной Европе, но там подрядчики — люди из высшего или по крайней мере из богатого сословия и пона бепе: в Западной Европе подрядчик исключительно сам пользуется выгодой от предприятия, а работникам своим дает только поденную или почасную плату. А в России, напротив того, подрядчики необразованные простолудины, едва умеющие читать и писать, но одаренные техническим талантом, и от предприятия выгодами пользуется не один подрядчик, а честно делится с работниками своей артели. [Вот опять черта практической национальной жизни, представляющая нам сен-симонистские мечты об ассоциации не только возможными, но и осуществленными]». (I, 204).

Мы, как сказали, не будем останавливаться на этих фактах. Впрочем, если кому-нибудь непонятен смысл их, например, если «Экономический указатель» пожелает узнать его, то мы с удовольствием готовы будем объяснить, почему прав Гакстаузен, называя русский народ чрезвычайно расположенным к общин-

ному порядку экономического производства. Теперь же мы возвратимся опять-таки к главному предмету наших извлечений, к сельскохозяйственным работам, и заметим, что в совершении их Гакстаузен находит у нас более сильный общинный дух, нежели у западных поселян.

«При полевых работах (говорит он) соблюдается почти военный порядок. В один и тот же день, в один час все вместе отправляются пахать, боронить и т. д., в один и тот же час возвращаются все с поля. Это делается не по какому-нибудь распоряжению, не по приказанию старост или старшин — нет, это делается само собою. Русское стремление к общинной деятельности, могущество общинного порядка на всем обнаруживает свое действие» (I, 157.)

Этот общинный дух мы вовсе не расположены считать каким-нибудь таинственным качеством, исключительно свойственным славянской или великорусской натуре. Мы просто полагаем, что вследствие исторических обстоятельств, надолго задержавших Россию в состоянии, близком к патриархальному быту, он сохранился у нас довольно неприкосновенным, между тем как давно исчез из обычаев тех племен Западной Европы, которые более нашего участвовали в историческом движении. Итак, сохранение его у нас есть следствие невыгодных обстоятельств нашего исторического развития. Но как самые хорошие вещи имеют свою дурную сторону, так и самые дурные вещи свою хорошую. Наша историческая неподвижность послужила источником многих бедствий и в нашем прошедшем и отчасти в настоящем; она причина нашей малой образованности, нашей бедности [и всех тех страданий, нелепостей и пороков, которые проистекают от невежества и бедности, как, например, она причина нашей апатии], нашей лени и т. д. Но среди всех этих пагубных последствий нашей неподвижности есть также нечто иное и врежде бывшее не бесполезным, но при настоящем развитии экономического движения в Западной Европе, — движения, в котором начинаем принимать участие и мы, — становящееся чрезвычайно важным и полезным. Экономическое движение в Западной Европе породило страдания пролетариата. Мы нимало не сомневаемся в том, что эти страдания будут исцелены, что эта болезнь «не к смерти, а к здоровью», но переносить настоящие свои страдания для Западной Европы все-таки тяжело, и врачевание этих страданий требует долгого времени и великих усилий. У нас, принимающих ныне участие в экономическом движении Европы, сохранилось противоядие от болезни, соединенной с этим движением на Западе, и мы поступили бы очень нерасчетливо, если бы по нелюби к патриархальности вздумали отступить от него в такое время, когда оно оказывается чрезвычайно пригодным для предохранения нас от страданий, видимых нами на Западе.

До сих пор мы говорили только о том способе общинного владения поземельною собственностью, при котором земля раз-

деляется на участки, обрабатываемые каждым хозяйством совершенно независимо от других хозяйств. Есть другой способ пользования землею, свойственный временам еще более первобытным, — именно самое возделывание земли может производиться общинным порядком без раздробления на отдельные участки. Древность сельскохозяйственных форм нашего быта такова, что в некоторых местностях, например, в глубине лесов северных губерний, существуют общины, возделывающие землю по этому способу; он так противоположен всему нынешнему западноевропейскому порядку дел, что уже из одного любопытства стоит ознакомиться с ним поближе, чтобы убедиться, как далеко действительность превосходит самые, повидимому, невозможные выдумки воображения чрезвычайной странности своих явлений. Вероятно, не всем нашим читателям коротко известно сельскохозяйственное устройство уральских казаков, и мы думаем, что те, которым оно не было близко знакомо, не без любопытства прочтут следующее извлечение из книги Гакстгаузена:

«Я уже замечал (говорит Гакстгаузен), что в северных лесах России есть еще земледельческие общины с общинным полем, без раздела на участки. Но есть даже целые огромные области, в которых наибольшая часть земли не разделена даже между отдельными сельскими общинами, а остается в общинном владении, в нераздельном пользовании целого населения всей области, составляющего одну общину. Мы хотим здесь поближе рассмотреть одну из таких огромных областных общин и выбираем для этого изображения устройство уральских казаков, такого племени, у которого, по всей вероятности, старый русский характер и старые русские обычаи сохранились в наибольшей свежести и здравости».

«ОБЩИНА УРАЛЬСКИХ КОЗАКОВ»

«Уральские казаки, происходящие, конечно, от великорусского племени, живут вдоль по реке Уралу, по границе Киргизской степи. Они поселены по правому берегу Урала в защиту от киргизских орд. Только в двух местах имеют они несколько селений и на левом берегу. Линия, населенная ими, начинается верстах в 50 от Оренбурга и идет более чем на 700 верст до устья Урала. Они живут в станицах, то есть в селах, имеющих от 100 до 200 домов и лежащих верстах в 15 или 20 одно от другого. Река течет по необозримой степи, почва которой совершенно бесплодный солончак. Только низменности по берегам речек, впадающих в Урал, и в особенности самого Урала, имеют почву плодородную, большею частию луговую. Земледелием казаки занимаются мало, выше Уральска не занимаются вовсе, а ниже Уральска только местами. Живут они преимущественно скотоводством и рыболовством. Первоначально поселились они на этих местах совершенно добровольно. Первыми из них были пришельцы с Дона, к которым потом присоединилось много беглых стрельцов. Сначала вполне организовались они сами собою и только впоследствии правительство придало им большее единство некоторыми постановлениями. Народ они здоровый, красивый, живой, дельный, послушливый, храбрый, добродушный, гостеприимный, неутомимый и умный. По своему общественному порядку, нравам и образу жизни представляются они нам истинной старинной Русью. Отправлять службу должны они были бы все поочередно, но защиточные меж ними нанимают вместо себя других на службу, и правительство мудро решило

вовсе не вмешиваться в эти дела, так что отношения эти развиваются сами собою натурально и без обременения. Потому все приказания идут к целой общине, а не к отдельным лицам, и оттого никакая милиция не выступает в поход с такой быстротою и в таком полном составе, как эти козаки. Мужского населения у них 24 или 25 тысяч душ, из того числа служащих козаков, от 18 до 55 лет, насчитывается 10 или 20 тысяч. В 1837 году из этих последних оставалось дома всего около 3300 человек, остальные были на службе. Внезапно потребовалось снарядить четыре полка, каждый из 550 человек, стало быть, должны были выступить в поход две трети из оставшихся в той области взрослых мужчин. Через три недели они были уже все совершенно снаряжены к походу, на сборном месте в Уральске. Из общины в общину приходило приказание собираться в Уральск. Выезжал войсковой старшина к толпе народа и кричал, держа над шапкой царский указ: «Атаманы, велено вам итти в поход и выставить четыре полка»; потом он снимал шапку, читал им указ и говорил, куда им итти и где собраться. Тем и кончалось все дело со стороны начальства. Тут же на площади собирается в таких случаях большая часть людей, годных к службе. Обыкновенно сходятся они по семьям. Если сказано: от семи или от пяти человек надобно итти одному, ближайшие родные совещаются, кому из них удобнее или кому больше охоты итти в поход; остальные дают ему плату, снаряжают его, содержат его семейство; если он пьяница, то деньги дают не ему, а его семье; наемная цена повышается и понижается, смотря по обстоятельствам. Если снаряжается небольшая партия, то каждый, идущий в поход за других, получает много, потому что он снаряжается в поход многими. Иной раз восемь или десять человек снаряжают одного, и тогда каждому легко дать сто, двести рублей ассигнациями. Дело происходит таким порядком: один говорит: «я даю двести рублей, чтобы не итти», другой говорит: «я даю триста», третий: «я триста пятьдесят»; так они торгуются, пока один скажет: «ну, столько я не могу дать, я пойду»; тогда он получает от остальных плату, которую согласились они внести, чтобы остаться дома.

«В тот раз, о котором я говорю, в 1837 году, из трех человек должны были итти в поход двое. Плата была от 900 до 2000 рублей, и она делилась между обоими, идущими в поход. На четвертый день после прочтения указа все козаки сошлись опять на площади Уральска. Для каждого из четырех полков было отведено особое место, на нем стояли офицеры этого полка. Туда подходили договаривающиеся партии. Тот, который оставался дома, подводил двух идущих, говорил, на какой цене они поладили; они хлопали по рукам, офицер разнимал руки, и договор был заключен и имел законную силу. Затем все шли по домам, и через четырнадцать дней полки собрались совершенно готовые к бою. И что это за дивное войско! Каждый пошел с охотой, с радостью, потому что он пошел по своей воле и получил выгоду. Семья его обеспечена, он хорошо вооружен и экипирован, а правительству все вооружение не стоит ни гроша. Лучше такого порядка ничего быть не может. И от души поохотался я, когда, воротившись в Пруссию, услышал от наших плац-парадных педантов мнение, что лучше было бы ввести больше порядка в эти сборы. Скоро дождались бы вы тогда полков и хорошо были бы они вооружены!

«Вся область уральских козаков составляет одну общину и в хозяйственном, и в военном, и в гражданском отношении; центр этой общины — Уральск; глава ее — атаман. Отдельные села — станицы — вовсе не имеют отдельного общинного хозяйства, но вся козацкая община имеет одно общее хозяйство.

«Хозяйственные отношения этих козаков чрезвычайно замечательны. Основанием всякого права на владение служит та же самая русская семья, о которой мы столько раз говорили, ее развитие — община и общее владение, ей принадлежащее. Потому здесь нет никакого частного поземельного владения, а на пространстве 700 и 800 верст все составляет общее достоя-

ние 50 000 человек. Интересен в этом отношении преимущественно сенокос. Не только отдельные козаки не имеют отдельных владений, но и села их не имеют отдельных лугов; а все луга остаются искони в общем владении целой великой козацкой общины. Покос состоит под надзором атамана, его помощников и станичных офицеров.

«Атаман назначает день, когда должен начаться покос, большею частию 1 июня. Во всех тех местах, где есть значительные луга, присутствует офицер как надзиратель. Каждый служащий козак идет, куда хочет, и выбирает себе место, которое хочет косить и траву которого он хочет себе присвоить. В ночь накануне этого дня они все уже на своих местах. С восходом солнца офицер дает знак, и каждый начинает косить свое место. Но в тот день он косит только круг около этого места, *обкашивает*, как это у них называется. Что лежит внутри круга, становится через это обкашивание его собственностью. Он может потом на следующие дни спокойно выкашивать все в этом круге при помощи своей семьи. Много расчета и сноровки нужно, чтобы взять круг в настоящую меру. Если козак разойдется слишком широко, то соседние косцы вкосьтся в ту сторону круга, которую он не успел еще обкосить. Итак задача в том, чтобы обкосить возможно больший круг и в конце притти прямо к началу его. Он работает с неимоверным напряжением сил; едва отрывается от работы, чтобы выпить глоток воды, потому что к закату солнца дело уже кончается и каждый должен взять во владение свой участок обкоскою его. До 1 июня никто не может выкосить ни малейшего местечка в лугах, ни у кого не должна быть навязана на ручку коса, иначе он лишается своего участка в покосе.

«И рыболовство делается по таким же правилам. Оно распределено по известным временам: на зиму, на весну, на осень. Кто осмелится прежде поймать хотя одну рыбу, тот также лишается на год своей части. Зимую назначается атаманом день рыболовства, и начало ему делается в 8 верстах от Уральска. Там собираются за ночь накануне все служащие козаки, каждый с длинным багром и пешнею; у каждого есть лошадь и сани под присмотром кого-нибудь из семьи, но этот погонщик не смеет участвовать в самой ловле. Козаки стоят у берега, каждый уже выбрал себе место и ждет знака. Раньше, чем дан знак, никто не смеет ступить на лед, иначе теряет на день право ловли. Дается сигнал выстрелом из пушки, и в тот миг все бросаются стремглав на реку, каждый отыскивает свое место, пробивает пешнею прорубь и бьет багром рыбу. Она лежит в реке так плотно, что в хорошем месте каждый удар бывает удачен. Семья козака, оставаясь на берегу, перетаскивает пойманную рыбу на сани, помогает ему сколько может, но на лед ходит только служащий козак. После того каждый день в продолжение трех недель спускаются все ниже и ниже по реке, на 400 и 500 верст, продолжая ловлю в таком же порядке. Летняя и осенняя ловля продолжается каждая по шести недель на лодках и начинается также по сигналу.

«На замечания, какие слышал я в Пруссии относительно этих оригинальных обычаев, столь резко противоречащих нашим западноевропейским, я должен сказать, что правительство русское справедливо соблюдает величайшую осторожность, не изменяя всего этого устройства. Если бы в угодность прусским педантам начать вводить у уральских козачков порядок службы, свойственный регулярным войскам, например: отменить добровольное соглашение о том, кому идти в поход, и тому подобное, этим было бы начато жесточайшее притеснение и совершенное разрушение естественных отношений их быта. Если бы в угодность этим педантам начать вводить другие гражданские обычаи, например: разделить навсегда поля по отдельным общинам или по отдельным людям, педантически организовать рыбную ловлю и тому подобное, то этим совершенно был бы убит превосходный общий дух и все несравненное на своем месте устройство целой области. Тогда пришлось бы иметь состоящих на жалованье чиновников, открылось бы широкое поле злоупотреблениям, притеснениям, взяточничеству, между тем

как теперь управление легко, чрезвычайно дешево и не вовлекает ни в какие запутанности, и при этом никакое племя не приносит правительству так много пользы и услуг, как племя и область уральских козаков; потому-то и применю к ним я в заключение известный афоризм: «Sint ut sunt, aut non sint» — пусть будет, как есть, или ничего не будет». (III, 152.)

Тут опять необходимо сделать несколько замечаний, отчасти для предупреждения недоразумений относительно нашего взгляда на вещи, отчасти для объяснения истинного смысла подробностей, представляемых рассказами Гакстгаузена.

Прежде всего скажем, что мы не считаем устройства Уральской области идеалом человеческих обществ и нимало не намерены обращать французов или немцев в уральских козаков — пусть себе живут, как хотят — они сами лучше нас могут знать, как им лучше жить. Мы даже не огорчаемся и тем, что жители Орловской и Курской губерний, предки которых, вероятно, хозяйничали на манер уральских козаков, бросили этот способ хозяйства, — показалось им, что лучше бросить его, — ну, и прекрасно: вероятно, они сами знали, что для них лучше. Мы только хотим показать, что при различных обстоятельствах условия экономические бывают очень различны и что не годится никому из нас говорить с высоты своего величия: «это невозможно; это мечта!» Мы хотим также показать, что обычаи, бесполезные или даже вредные при одних обстоятельствах, могут быть выгодными при других.

Вот, например, если уральцы доживут в нынешнем своем устройстве до того времени, когда введены будут в хлебопашество машины, подобные по силе своего действия ткацким машинам (как введены уже машины подобного рода для молотбы хлеба и для обращения зерна в муку, — «Экономический указатель», вероятно, не будет отрицать ни молотилок, ни водяных мельниц), — когда будут введены подобные очень сильные машины для хлебопашества, то уральцы будут тогда очень рады, что сохранилось у них устройство, допускающее употребление таких машин, требующих хозяйства в огромных размерах, на сотнях десятин. В настоящее время приносит им, быть может, не очень много положительной пользы то, что они не делят землю на участки, а тогда окажется очень выгодным для них то обстоятельство, что они не приобрели обычая, препятствующего во Франции соединению мелких земледельцев для общинной обработки земли, которая во Франции уже оказывается очень выгодною, но не вводится потому, что французы приобрели очень сильную привычку к другому способу пользования землею, — способу, в свое время бывшему очень выгодным, а в настоящее время оказывающемуся менее выгодным, нежели заведение больших хозяйств. Но тут мы все рассуждаем, только для примера, о том, как будут думать уральские козаки в будущее время, которое еще неизвестно, когда придет (хотя успехи механики и

технологии несомненно доказывают, что такое время придет) — до слишком отдаленного будущего времени нам нет дела: наши пра-пра-правнуки, вероятно, сумеют прожить на свете и своим умом, без наших забот — довольно будет того, если мы станем заботиться о себе и своих детях, — обратимся же от этого предположения о будущем уральских козаков, имеющего целью только пояснить, как с изменением обстоятельств могут меняться потребности, полезное может делаться вредным, бесполезное полезным, — обратимся от этого предположения о будущем к настоящему, и настоящему не одних уральских козаков, а всего русского населения.

Было время, когда общинное владение могло казаться не представляющим особенных выгод, как теперь представляется не имеющим особенных выгод обычай уральских козаков не делить землю на участки. Но как могут притти обстоятельства, когда этот обычай уральских козаков делается выгодным для их благосостояния, так уже пришли обстоятельства, в которых общинное владение оказывается очень выгодным для благосостояния русского народа. Эти обстоятельства, как мы уже много раз говорили, заключаются в характере, принимаемом экономическим развитием. В Западной Европе уже оказалось, что если при новейшем развитии силы капитала вся земля, принадлежащая нации, обращена в частную собственность, переходящую из рук в руки по закону безграничной конкуренции капиталов, то большинство земледельцев превращается в пролетариев, то есть, переставая иметь собственное хозяйство, делается сословием батраков, выход из которого чрезвычайно труден даже для отдельных лиц, не только для целого сословия.

Но возвратимся к уральским козакам. Не для этой параллели их обычая не делить землю с общим обычаем других областей делить землю привели мы эпизод о них — нет, главная цель наша была выставить на вид другое обстоятельство. Не сельскохозяйственными обычаями уральцев мы восхищаемся, — эти обычаи сами по себе не кажутся нам ни вредными, ни особенно благоприятными в настоящее время, благотворность их еще в отдаленном будущем, о котором не нам заботиться, а нашим потомкам, — нет, есть другая сторона в том порядке жизни, из которого возникли их сельскохозяйственные обычаи, и эта сторона справедливо очаровывает Гакстгаузена. Мы говорим о мудрой системе, которой держится наше правительство относительно их, предоставляя домашние дела их собственной заботе: «пусть себе сами улаживаются, как им удобнее», говорит наше правительство, и мы просим читателя обратить внимание на блистательные, поразительные результаты, производимые этою мудрою системою нашего правительства: как дешево обходится правительству управление уральскими козаками по такой системе! Как быстро и исправно исполняют они при этой системе обязанно-

сти, которых невозможно было бы исполнить ни при какой другой системе!

Мудрость правительства есть великое счастье и для народа и для самого правительства.

Выше мы говорили только о благотворности общинного владения землею, которого потребность ощущается в настоящее время повсюду в России чрезвычайно сильным образом; ни вчерашним, ни завтрашним ныне сыт не будешь: мы заботимся о настоящих потребностях, а не о том, что было нужно триста лет тому назад или будет нужно через триста лет вперед. Потому мы ничего не говорили об общинном союзе для производства работ, потребность которого, конечно, со временем будет чрезвычайно сильна в России, как теперь уже чрезвычайно сильна в Западной Европе. Теперь эта потребность чувствуется в России еще не повсюду; но общинный дух, сохранившийся у нас благодаря общинному владению землею, так свеж и силен, что общинное производство работы, это дело, столь трудно исполнимое на Западе, у нас без всяких хлопот делается там и в тех случаях, когда становится нужно. Вот пример из Гакстаузуена:

«Пашут здесь (в селе Падовке, в заволжской части Саратовской, ныне в Самарской губернии) тяжелым плугом, в который запрягаются большею частью волы, две или три пары; а когда поднимается новь, то пять пар. Натурально, не в каждом хозяйстве есть десять волов, потому крестьяне пашут сообща, и плужные волы считаются, так сказать, общинной собственностью целой деревни, так что равно должны пахать на всех. Прежде деревня имела 24 плуга с полной упряжью в 240 волов. Неурожай уменьшили число скота, и ныне остается только 100 волов». (II, 23.)

Неистощимую, вечно живую и свежую почву всех возможных улучшений представляет наше общинное владение землею; неистощимый запас национального благосостояния и государственного процветания находится в нем. Одно только нужно, чтобы началось для нашего царства время невиданного на земле в таких обширных размерах, в таком стройном порядке общего благоденствия великой державы и всех детей ее: нужно только одно то, чего желал некогда Шторх⁶, о чем говорил он некогда своим державным воспитанникам: да идет наша держава по пути экономических улучшений*, и да совершит Александр II дело, начатое Александром I и Николаем I.

Заклучим наши извлечения из Гакстаузуена теми размышлениями, которыми заключает он свой трактат о сельскохозяйственных учреждениях России.

«Русское общинное устройство, описанное нами выше, бесконечно важно для России, особенно в настоящее время, в государственном отношении. Все западноевропейские государства страдают одной болезнью, [которая грозит им погибелью и] исцеление которой доселе остается неразрешимою задачею, —

* Storch, Russland unter Alexander I. Том 5-й, XIV книжка, стр. 90.

они страдают пауперизмом-пролетариатством. Россия не знает этого бедствия; она предохраняется от него своим общинным устройством. Каждый русский имеет и родную землю и право на участок ее. И если сам он лично откажется от этого участка или потеряет его, то за детьми его остается право в качестве членов общины самостоятельно требовать себе участка. [В России нет черни (Pöbel), в ней есть только народ, и так останется, если только какие-нибудь противонациональные учреждения не создадут лишенной недвижимого владения черни, чего в настоящее время, к счастью, уже нельзя, кажется, бояться]. Принцип такого устройства одинаков по всей России, потому что он сам собою, без всяких внешних мер развился из основного характера русской нации. Я выражу слабо свою мысль, если скажу, что считаю не более как опасным делом всякую попытку разрушить или хотя бы изменить в чем-нибудь существенном этот принцип. Государственное достоинство русского поземельного принципа до такой степени превосходит своею важностью все его невыгоды, что никаким образом невозможно и сравнивать с ними этого преимущества. Притом я думаю, что невыгодные следствия этого принципа могут быть устранены многими способами, не касаясь самого принципа. Например, они могли бы быть, вероятно, устранены тем, если бы употреблено было внимание на то, чтобы восстановить, особенно в маленьких общинах, или посредством разделения больших общин на маленькие союзы, первобытный способ, — через уничтожение дележа земли и восстановление общего труда при хлебопашестве. Я считаю это возможным у народа, столь привыкшего следовать духу общинной власти. Что при таком общем возделывании земли хлебопашество может быть производимо гораздо лучше и рациональнее и что никто не потерпит обиды оттого, когда раздел земли заменился бы разделом жатвы на поле, кажется мне несомненно» *. (Т. III, стр. 37.)

Но это последнее улучшение — дело будущего. Ныне лежат на нас другие дела, и при совершении их надобно помнить одно: те изменения, которые необходимо должны произойти вследствие начинающегося участия нашей страны в экономическом движении Западной Европы, должны произойти так, чтобы наши крестьяне, сохраняя свое общинное владение, были [по прежнему нашему обычаю] предоставлены собственному рассудку в устройстве своих домашних дел. [Прежде всего и больше всего: наивозможно широкий простор и простор для личности и для собственного здравого рассудка каждому.]

---

* Это мнение Гакстаузена, человека, совершенно далекого от всякой мечтательности и всеми силами души ненавидящего то, что называет он коммунистическими бреднями, так важно, что мы считаем нужным привести здесь подлинные слова его, чтобы никто не мог предположить, что мы хотя сколько-нибудь изменили их точный и определительный смысл: «Auch glaube ich, dass man die nachtheiligen Folgen noch auf mehrere andere Weisen aufheben oder modificieren könnte, ohne jenes Princip zu zerstören, z. B. vielleicht eben dadurch, dass man den wisprünglichen Zustand namentlich bei kleinen Gemeinden, oder Abtheilungen grösserer wieder herzustellen suchte, nämlich durch Aufhebung der Landtheilungen und Wiederherstellung des gemeinsamen Ackerbaues. Ich halte dies bei einem Volke für möglich, das so gewöhnt ist der Autorität zu folgen. Dass bei einem solchen gemeinsamen Ackerbau derselbe viel besser und rationeller betrieben werden könnte und dass Niemand dabei leiden würde, wenn statt der Theilung des Landes eine Theilung der Ernte auf dem Felde eintrete, scheint mir nicht zweifelhaft».